

Иар Эльтеррус
Екатерина Белецкая

Горькие травы

Книга 1 **Лунное
стекло**

РУССКИЙ
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

Русский Сонм

Иар Эльтеррус
Лунное стекло

«ЭКСМО»

2014

Эльтеррус И.

Лунное стекло / И. Эльтеррус — «Эксмо», 2014 — (Русский Сонм)

Человек предполагает, а Официальная служба располагает. Человек хочет пожить со своей семьей в покое, вырастить сына и получить новую профессию. Официальная служба хочет уничтожить Свободных и поставить новый эксперимент. На Земле-н, несущей осколок Русского Сонма, происходит первый открытый конфликт между Официальной службой и Свободными. В четырех порталах идет уже два года «анонимная война», о которой не знает местное население. Планетарная система окружена гигантским флотом боевых и миссионерских кораблей. Война в порталах – это лишь малый эпизод глобального эксперимента Официальной службы, которому стараются помешать Свободные. Так что же случилось? Можно ли понять, что творится на Земле-н, работая военным врачом в мобильном госпитале или «космическим извозчиком»? И чем эта новая война может обернуться для Русского Сонма?

© Эльтеррус И., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Пролог	5
Часть I. Госпитальеры	8
01. Озеро Лубенское – Санкт-Петербург. Октябрь	8
02. Озеро Лубенское. Госпиталь «Вереск». Будни	24
03. Озеро Лубенское. Госпиталь «Вереск». Анонимная война	39
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Иар Эльтеррус

Горькие травы. Книга 1. Лунное стекло

Cura te ipsum.

Исцелись сам (лат.)

Пролог

– Ты серьезно? Огден, такими вещами не шутят.

– Куда уж серьезнее. Они действительно все там. Спокойно, Гарай. Ситуация под контролем.

– На Апрее она тоже была под контролем... в буквальном смысле этого слова. И что, они в курсе?

– А сам-то как думаешь? Нет. Они не могут быть в курсе, потому что мы лишили их возможности добраться до нужной информации. – Огден откинулся на спинку кресла и ухмыльнулся. – Им никто не покажет всей картины. Ошибки, сделанной на Соде, мы не повторим.

– И они ничего не делают, чтобы это изменить? – Гарай недоуменно посмотрел на своего заместителя.

Тот пожал плечами:

– Как мне кажется, после Терры-ноль они ни на что толком не годны. Победа, если это можно так назвать, на Апрее была не их заслугой, а просто относительно удачным стечением обстоятельств. Равно как и то, что они сумели сбежать во время операции на Соде. Сопротивлению они по факту оказались не интересны, нашли часть своей семьи и угомонились. В результате, когда мы обратили на них внимание снова, они тихо, как мышки, жили на этой Земле-п уже лет десять и продолжают там жить. Они сейчас работают на Санкт-Рену.

– Чего?! – Гарай аж поперхнулся. – Когда началась операция, они уже были там?! Десять лет?!

– Того. Что слышал. Это многое объясняет, правда? Да, они были там. Все. Мы сами удивились их прозорливости, когда обнаружили корабль, как его... «Ветер», в этой системе. Мы думали, что они все еще на Окисте. А сейчас... да. Работают. По вольному найму, причем принимала их сама Ее Величество. Которая, конечно, таскается с миссиями туда-сюда и изображает бурную деятельность. Ну, правильно, кому охота остаться без конклава. Попозже расскажу, как происходил этот найм. Мне до сих пор смешно.

– Сумасшедший дом... – Гарай потер ладонями лицо. – Но почему ты говоришь об этом только теперь и настолько спокойно? Если они полезут в порталы или хоть что-то поймут, они нам сорвут всю работу!

– Они не сорвут. Уверяю тебя, Гарай. Ничего они не сорвут.

– Почему? Огден, ты говоришь какие-то ну очень странные вещи. Откуда такая уверенность?

– Есть целый ряд обстоятельств, который не позволит им что-либо сделать. Они не смогут никуда вмешаться, потому что сейчас повязаны даже крепче, чем когда сидели восемьдесят лет заложниками на Терре-ноль.

– Огден, давай информацию. Всю. И немедленно. – На лице у Гарая появилось нехорошее выражение. Огден выпрямился, тоже посерьезнел. – Ты сам выдал теорию о пентакле, а такими вещами не шутят.

– Хорошо, объясняю. У Ри и Джессики Пейли двенадцать лет назад родился сын. Видимо, после воссоздания в организме что-то меняется, вот она и забеременела, хотя до этого детей у

нее не было и по некоторым данным быть не могло. В результате семейство скачет вокруг на полусогнутых и трясется за мальчишку. Поверь, за порталы можно не переживать. Они ничего не предпримут. Побоятся. Не стоит считать их дураками – они осторожничают так, как никогда в жизни до этого не осторожничали. Да и годы, проведенные на Терре-ноль, хорошо вылечили их от заносчивости и наглости. Прошло уже больше двух лет, и они ни разу за это время...

– Что?! Два года?! Ты знал об этом и молчал два года?! – Гарай покраснел от возмущения. Огден усмехнулся про себя. Долго же до шефа доходит. Сдает? Что-то рано. – Это уже переживает всякие границы! Ты должен был доложить немедленно!!! Почему ты этого не сделал?!

– Потому что докладывать было не о чем, – пожал плечами Огден. – И потом, ты у нас мастер поспешных решений, Гарай. Я же выбрал выжидательную политику и оказался прав.

– Какая выжидательная политика?! Как это – «не о чем»?! – Гарай треснул по столу кулаком. – Рядом с порталами, в мире, в котором идет важнейший для нас эксперимент, находятся уже черт-те сколько лет резонансные двойники, закрывающие ключевые зоны, – и ты не доложил про это?! Огден, моему терпению тоже есть пределы!

– Гарай, не кричи, – утомленно попросил Огден. – Ну, находятся... Ничего они не делают. Ситуация под контролем, и потом, их ведь можно будет использовать. Не сейчас. Если потребуется. Ну да, мы могли их выслать, дать пинка, или взять под стражу, или не знаю, что еще придумать, но мы справедливо рассудили, что они нам гораздо выгоднее здесь. Сейчас они – наша козырная карта в игре против Сопротивления, причем карта спрятана в рукаве. И в нужный момент мы эту карту разыграем. Увидишь.

– Ты хочешь сказать, что Сопротивление не знает, где они?

– Знает, конечно. Но ничего не может сделать, потому что существует пакт и независимый наблюдатель. Говорю же, они заложники, причем покруче, чем это было на Терре-ноль. Гарай, успокойся, – попросил Огден.

– Не думаю, что они поведутся на это твое использование так, как повелись на Соде. – Гарай покачал головой. – Второй раз этот номер не пройдет... Как они, кстати?

– Неплохо, если сравнивать с тем, что мы тогда выпустили с Терры-ноль. Подлечились, привели себя в порядок.

– Пьют?

– Насколько я знаю, больше нет.

– Это плохо. Гораздо проще иметь дело с теми, у кого хорошенько затуманены мозги.

– За их мозги можешь не волноваться. Из-за Романа, это сын Джессики и Ри, мозги у них затуманены похлеще, чем от любой водки, или что они там пили. Это же рауф, они всегда трясутся за потомство так, что тошно делается, – Огден брезгливо поморщился.

– Ри и Джессика не рауф. Роберта тоже, – напомнил Гарай.

– Понабрались от рауф, – пожал плечами тот. – Было бы о чем говорить.

– Так, – глаза Гарая нехорошо сузились. – Надеюсь, ты действительно контролируешь ситуацию. Потому что мне это все категорически не нравится.

– Разумеется, контролирую. Не просто контролирую, я встречался с ними лично и по старой памяти слегка вправил мозги... впрочем, в этом не было большой необходимости. Показательных выступлений, как на Терре-ноль, от них можно не ждать. Скорее всего, уже никогда. Ри и Роберту мы к порталам близко не подпустим, пока не потребуется, а остальные нам не страшны. Ума не хватит, чтобы осознать происходящее.

– В общем, поправь меня, если я ошибаюсь. Резюмируя: они сидят сейчас на Земле-п, у Ри и Джессики растет ребенок, а они... – Гарай задумался. – Они, по твоим словам, ни во что вмешиваться не собираются, и... ты сказал, что они работают на Санкт-Рену?

– Ну да.

– Ммм... Скажи, а в качестве кого? – Гарай, склонив голову к плечу, глянул на заместителя. – Во-первых, они давно растеряли все рабочие навыки. Во-вторых, Санкт-Рена не воюет. В-третьих, Санкт-Рена привлечена обеими сторонами, как независимый союзник, и...

– Про иоаннитов слышал? – ухмыльнулся Гарай. – Вот там они и работают. В системе поддержки операции. На очень жестких условиях.

– Быть того не может! Хотя... Если вернулся Фэб... Ну да, он же врач. Но остальные-то нет! Или я снова чего-то не знаю?

– Не знаешь. Они, как выяснилось, навоевались. Решили сменить специализацию. Сейчас расскажу...

Часть I. Госпитальеры

01. Озеро Лубенское – Санкт-Петербург. Октябрь

Дорога была сильно разбита, и маршрутку трясло и подкидывало на каждой кочке и рытвине, на каждой колдобине. Какого черта было не поехать на поезде? Сидел бы себе спокойно и спал за милую душу. Так ведь нет, лень было тащиться до станции, а маршрутка под-вернулась уж как-то очень вовремя... да еще и дождь этот...

Ну, дождь не дождь, а морось в воздухе висела, мелкая взвесь из водяных капель, словно воздух, как губка, пропитался водой. Ветровка, разумеется, отсырела сразу – после того, как болото кончилось, он стащил универсальный комбез и пошел дальше в том, в чем ходят местные. Джинсы, ветровка, армейские берцы. Рюкзак, в котором побрякивают пустые сложенные контейнеры, и дурацкий спиннинг, который Скрипач сунул ему перед выходом «для отвода глаз». Ну, правильно. Если идешь от озера, то должен быть спиннинг. Все логично.

Ой, да ну это к шуту.

Как же спать хочется...

– Молодой человек, чем от вас воняет? – раздраженно спросила сидящая на соседнем кресле женщина. Собственно, сейчас пассажиров и было всего двое – он и эта женщина. Утро воскресенья. Какой дурак попретя утром воскресенья в Питер, да еще в такую погоду?

Именно что дурак и попретя.

– «Шашлыками», – честно ответил Ит.

И ведь не соврал. Ну ни на йоту не соврал!

– Вы что, лягушек жарили? – женщина скривилась.

– Почти, – согласно кивнул Ит.

Не совсем лягушек. И не совсем жарили. И не совсем мы. Точнее, мы как раз не жарили, нам это блюдо подали готовым. С румяной корочкой.

Правда, слегка пригоревшее...

– Пересядьте немедленно. А то я вообще попрошу водителя вас высадить, – рявкнула женщина.

Ит покорно пересел в самую дальнюю часть кабины – собственно, это как раз его несколько не смутило, ехать надо было до конечной, до Автово. Женщина все еще негодовала, ворчала, но уже себе под нос – развелось, мол, алкоголиков, житья никакого нет, и как их пускают, мразь такую, в общественный транспорт?

Водитель, пожилой и флегматичный, молча вел машину и в конфликт не вмешивался – Ит мысленно сказал ему за это спасибо. Спать хотелось неимоверно, и он решил хоть сколько покемарить. Ведь домой сразу не получится, надо будет заехать на рынок, закупить продуктов, не откладывая на завтра. Не Берте же тащить больше сорока кило жратвы?.. То-то и оно.

Правая рука до сих пор побаливала. Он потер перетянутое напульсником запястье, потом вытащил из нагрудного кармана тюбик с гелем, намазал обожженную руку, с трудом просунув палец под повязку. Геля мало, лучше на ночь оставить, а то разболится рука ночью, и что делать будешь? Или Ромка придет... так, а сувенир обещанный для Ромки где?

«Красная пуля» отыскалась в нагрудном кармане ветровки. Ит облегченно вздохнул и убрал ее обратно. Эту пулю Ромка просил с лета, но они с лета не получали назначений на сбор и пулю, разумеется, подобрать было негде. А вот позавчера группа как раз вышла в портал, и рыжий успел в перерыве между поиском и погрузкой эту самую пулю подобрать.

Ромка обрадуется. Поговаривают, что эти пули – «счастливые», их делают без положенной начинки, и тот, кого такой ранят, считается везучим. Потому что, в отличие от черных, они

оставляют шанс. Выжить. «Черная пуля» – почти в ста процентах случаев смерть. «Красная» – отверстие можно затянуть за трое суток. Такое вот везение.

Чушь и бред, конечно.

В голову тебя ранят этой штукой – ага, большое везение. И замечательный шанс: жить пустым телом, без мозгов.

Какая же это все-таки мерзость. Все.

И как я вообще принимал в этой мерзости участие, и где была моя голова, и... миксер мне в глаз, как любит говорить рыжий, за то, что я делал раньше. Делал, говорил... Да, точно. Миксер в глаз и дрыном по рукам.

Но как же хочется спать...

* * *

На рынке было почти пусто, и на покупки потребовалось вдвое меньше времени, чем обычно, – он быстро пробежался по рядам, порадовал продавцов хорошими заказами. Десять кило говядины, желательно с ножек, которая годится на тушенку, десять кило баранины; по три кило орехов, кураги, чернослива; шестнадцать банок сгущенки, именно банок, не пакетов, не доверял он пакетам; два литра меда, хорошего, липового (уж кто-кто, а он запросто отличал патоку и настоящий мед), и двадцать плиток темного шоколада. Российского, конечно, ну его, этот химический импорт.

Рюкзак получился более чем внушительным, и продавцы с удивлением смотрели ему вслед – надо же, дрищ худющий, а такой мешок тянет. Ит про себя ухмыльнулся – ерунда этот рюкзак. Те же «рыбы», например, меньше ста двадцати не весят, и поди-ка ты поворочай такую тушу в одиночку. Что мне этот мешок...

В метро тоже было безлюдье, он сел в уголке вагона, на трехместную лавку, пристроил рюкзак у стены. Ехать было всего ничего, пятнадцать минут, до Владимирской. Сейчас главное – не заснуть и не проехать. Берта ждет, волнуется. Может быть, уже и встречать вышла. Поэтому надо собрать мозги в кучу и мужественно дотерпеть до дома.

...И обязательно кинуть Скрипачу сообщение, чтобы присмотрел за двоими вчерашними «шашлыками» из «рыб». Не нравятся эти «шашлыки». Категорически не нравятся. А врачи уставшие, и как бы не упустить. Понятное дело, Дослав будет сидеть до последнего, но он тоже устал, потому что не спал трое суток. Очень не вовремя подошла очередь ехать домой!.. Нет бы неделю назад, когда два дня никого не было и когда они по очереди спали и жрали всем коллективом. И вот на тебе.

На эскалаторе он снова едва не заснул – каким-то совсем бесконечным показался в этот раз эскалатор. Едешь и едешь, едешь и едешь, и конца-края этой езде не видно. В Москву хочется. Домой. Там и эскалаторы короче, и метро как-то привычнее, и поезда чаще ходят. Чем Ри так нравится именно Питер, а? Обожают он Питер. И Джесс тоже обожают Питер, и оба Мотылька, и Ромка. А вот им пятерым Москва милее сто крат.

Впрочем, сейчас выбирать не приходится, а Питер, который обожают Ри, видят они не чаще раза в три месяца. А то и в четыре.

И Берту...

Самое плохое, конечно, что Берту. Джесс, впрочем, тоже, потому что сейчас Джессика и Берта оказались на положении «соломенных вдов» – уже черт знает сколько времени они кукуют в городе, ожидая мужей, а мужья в это время... ситуация, если разобраться, получается – нелепее некуда.

* * *

Идиллия кончилась два года назад.

А до этого и впрямь была практически сплошная идиллия, которая продолжалась без малого десять лет.

Это мир, находящийся в Белой зоне, неподконтрольной пока что ни Бардам, ни Сэфес, помог найти экипаж Маден. В самый раз, как раз то, что нужно – еще не Индиго, еще не Маджента, еще нет ужесточения условий, но уже есть то, что они все искали.

Классический Осколок Сонма.

И очень похоже на Терру-ноль, очень. Разве что похолоднее да воды поменьше. Зима – с ноября по апрель, умеренно теплое лето, в городах грязновато, зато в пригородах пока что чисто (хорошо бы так и осталось); Америка и Россия понемножку покусывают друг друга, но когда без этого обходилось; техногеника еще только набирает обороты...

Смотались, посмотрели.

Понравилось.

Маленькому Ромке было два года, когда они, оставив дом на попечение Клима и его вновь обретенной жены, собрали минимум вещей и переехали. Точнее, переезжали в два этапа – первыми отправились Джессика, Ри и Ромка и только через полгода – Берта, Кир, Фэб, Скрипач, Ит и оба Мотылька. Кир, Ит и Скрипач заканчивали тогда первичную фазу обучения и уехать до окончания курса никак не могли.

Учеба, надо сказать, затянула – они трое и не ожидали, что так хорошо пойдет. А оно взяло и пошло, да так, что за год они стали лучшими на курсе.

– И совершенно правильно, – заметил как-то Фэб. – Смотрите сами. Вы привыкли выкладываться, это раз. Вы ничего не боитесь, это два. Вы повидали столько, что вас не перекашивает при виде открытого перелома или чего похуже, это три. И, самое главное, вы уже потихонечку осознали, для чего это все действительно нужно...

– Это было четыре, – согласился Скрипач. – А еще мы в ладах с техникой, и это пять. Но... Фэб, я боюсь, что это все пойдет коту под хвост, потому что мир-то белого уровня, и...

– И очень хорошо. Год отучитесь по тем методикам, а потом посмотрим.

В результате они «провернули интересную комбинацию», как выразился Скрипач, и уже через год жителя на Земле-п работали фельдшерами на «Скорой» в Подмосковье.

И проработали так два года.

– Это отличная школа, – уверял Фэб. – И это не предел. Потом, как будет возможность, надо будет обязательно пройти несколько альтернативных школ.

– Это каких? – с подозрением поинтересовался Ит.

– От травничества до тонких потоков.

– Ну, Фэб...

– А что – Фэб? Занесет куда-то, где нет вообще ничего, что делать будешь, если работа подвернется? Всякое бывает. По расам методики я начну давать примерно через год, а сейчас учите то, что в доступе, и... что такое, Кир?

– Знаешь, – Кир нахмурился. – Мне иногда кажется, что... ну, что это все не совсем верно. Что иногда... может быть, мы зря кого-то спасаем. Люди сами хотят умереть, а мы едем, вытаскиваем, и...

– И тебя бы тогда не вытащили, где бы мы все были?! – возмутился Скрипач. – Кажется ему! Идиот...

– Рыжий прав, – кивнул Фэб. – Любая жизнь – бесценна, и мы никогда не знаем истинного пути Господнего, Кир. Не бойся, я не буду читать проповедь, просто хочу рассказать пару случаев. Лет четыреста назад мы спасли совсем древнюю старушку в одном из первичных миров.

Совершенно случайно, просто так сложилась ситуация, мы там работали, а она... в общем, мы тогда ничего не заметили, а вот другие... Знаешь, кто теперь эта старушка? Дайра Вихама, одна из лучших Мастеров путей в нашем кластере. Молодая красивая женщина. Когни. Тело, которое мы спасали, умирало от рака в конечной стадии, практически оно разлагалось. Мы помогли, потом... потом ее вывезли. Эрсай, кто-то, наверное, думал так же, как ты, – лучше бы этому вонючему гноящемуся полутрупу умереть, лучше бы прекратились ее страдания. Мы думали иначе. Уже тогда я научился думать иначе и понимаю, что был прав.

– А другой случай? – с интересом спросил Ит.

– О... Сейчас расскажу. В общем, это уже незадолго до Блэки произошло. Собственно, это было не с нами, мы оказались на месте уже тогда, когда все практически закончилось, но тем не менее. Значит, так. Двое агентов разрабатывали «слепую» ситуацию с двоими весьма серьезными противниками, причем противники эти, тоже парочка ребят, нэгаши, работали, ни много ни мало, на Карающий Молот...

– И тут эти отметились, – проворчал Скрипач.

– Где они только не отметились. Ладно, неважно. В общем, получилось следующее. Эти агенты, люди, вступили с нэгаши в драку, как думали – с одним. Оказалось, что с двумя. Что там конкретно произошло, я точно не знаю, зато знаю, что было дальше. Один агент-человек и один нэгаши погибли почти сразу. Второй нэгаши и второй человек были ранены, и агент успел сбросить черный код... до врача он, к сожалению, не дожил. Умер. Но врач пришел – и налетел на второго, оставшегося в живых тяжело раненного нэгаши. Раненого-то раненого, но этот нэгаши успел подстрелить пришедшего врача.

– Нехило, – покачал головой Кир. – И что дальше?

– А дальше – это как раз этическая сторона вопроса, – вздохнул Фэб. – Этот врач, совсем еще молодой официал, практиковавший лет десять, не больше, не задумываясь, начал оказывать помощь тому, кто в него стрелял... и вытащил. К сожалению, его самого спасти не успели. Когда пришла наша группа, он уже час как был мертв. Холод, понимаешь? Совершенно дикая местность, старые горы, лес – и лютый холод, почти минус тридцать. Он весь ресурс полевого набора отдал тому нэгаши. Себе не оставил вообще ничего.

– Сильно, – Кир прикусил губу. – И чем дело кончилось?

– Нэгаши оказался действительно важной персоной, и на него в результате обменяли пару сотен пленных в каком-то конфликте, – Фэб дернул плечом. – Вот и думай. Своим поступком тот молодой врач уже из могилы спас две сотни жизней. Правильно ли он поступил? Разумеется, да. Потому что следовал главному правилу – самой важной является жизнь того, кого ты спасаешь.

– А как же божья воля? – рискнул поддеть Фэба Скрипач.

– А это и есть Его воля. Потому что ты – инструмент в его руках...

...Это все еще была идиллия, пока еще идиллия.

А кончилась она, когда больше двух лет назад им домой позвонил Ри и потребовал срочно приехать в Питер. Срочно. Понятно? Да, вместе. И кошек возьмите.

На всякий случай.

* * *

От метро он позвонил Берте, сказал, чтобы не выходила, он сейчас будет. Остановился у цветочного, купил букет – чайные розы, потому что она больше всего любит чайные розы. Жалко, что не лето. Можно было бы купить еще и мороженого, большую коробку, фисташковое, а потом сидеть вместе и есть это мороженое большими ложками, наплевав на все правила и приличия.

Погода, увы, к мороженому не располагала. Если она сейчас вообще к чему располагала, так это к горячему чаю, дивану и любимой жене под боком. А в чай хорошо бы бальзама плюхнуть. Или кашинского, или рижского. Для остроты восприятия.

Лифт нехотя дотащился до девятого этажа и, протяжно скрипнув, остановился. Двери натужно поползли в стороны, и взору предстал привычный коридор, зеленым крашенные ободранные стены, двери, обитые дерматином, лампа дневного света под потолком. Ит с трудом подавил очередной зев, подхватил рюкзак и поспешно вышел – этот лифт, как он знал, очень любил закрывать двери почти сразу, не дожидаясь, пока человек спохватится.

Или не человек.

Да какая разница.

...Берта открыла сразу. Ничего удивительного – треклятый лифт из двухкомнатной квартиры, которую они третий год снимали в этом доме, было слышно отлично.

– Привет, – улыбнулся он, входя. Затащил рюкзак, поставил у вешалки. Нагнулся, погладил выскочивших навстречу котов – Фишка, разумеется, первая, Тима – в арьергарде. Пропускает даму вперед, джентльмен.

Выпрямился, привычно потер запястье.

– Привет, – беззвучно ответила Берта. Подошла, обняла, уткнувшись лицом во влажную штормовку. Ит тоже обнял ее, ощутив под ладонями тонкую ткань халатика, и под тканью – ее вздрагивающие плечи... Минуту они стояли, как всегда стояли после любой разлуки, короткой ли, долгой – ничего не говоря, потому что слова в такие моменты были просто не нужны.

– Как же я соскучился, – проговорил Ит, когда она подняла голову. – Малыш, я ужасно соскучился.

– Я тоже, – она вздохнула. Тряхнула волосами. – Переодевайся и мойся.

– Ох, черт... Бертик, извини. «Шашлыки» опять, будь они неладны.

– Я уже поняла, – она осуждающе покачала головой. – Ит, не тормози. Есть будешь или сразу спать?

– Буду, – отозвался он, кое-как выпутываясь из штормовки.

– Что именно будешь?

– И то, и другое. И есть, и спать...

– В каком порядке?

– Ммм... может, и правда, позавтракать, а?

– «Бэ», блин. Все, мухой. Одна нога здесь, другая тоже здесь. И дверь не запирай в ванную, хватит мне с прошлого раза заплыва рыжего, с соседями в роли болельщиков! – крикнула она Иту вслед. – Ит, не запирай дверь, кому говорю!

– Хорошо...

Ванна была маленькая, тесная, а еще в нее пришлось поставить стиральную машинку, потому что в крошечную кухню машинка категорически не помещалась. Впрочем, от присутствия в ванной машинки была и польза – Ит, раздевшись, тут же затолкал в нее вещи, насыпал порошка и включил. Пусть крутит, лучше сразу постирать, чем заставлять Берту нюхать «шашлыки» еще раз.

Неприятный запах, надо сказать. Словно кто-то жарил речную рыбу на свином сале. И пережарил. Точнее, сжег. До этого они никогда не работали с «чистыми» расами, и Ит был вынужден признать, что люди в «чистом» виде ему не очень нравятся. То есть сами по себе нравятся, конечно, но только целиком, а не сгоревшие в броне. Даже в силовой. Какая разница, из чего броня? Запах и в самом деле омерзительный. И самое паршивое, что в этот раз «Вереск» был забит ранеными под завязку, и они со Скрипачом тривиально не успели переодеться – в чем спали, в том и побежали на сирену. Спали, к сожалению, в рубашках и джинсах.

Два идиота.

Отмывался он почти полчаса. Сначала долго стоял под душем, потом набрал в ванну воды, минут десять полежал; понял, что еще несколько минут, и заснет. С трудом заставил себя вылезти из ванной, включил холодную воду, умылся. Нет, не помогает.

Спать хотелось все сильнее.

* * *

... На крючке отыскался какой-то халат, при ближайшем рассмотрении это оказался халат Кира, но сейчас Иту было все равно. Рукава, правда, пришлось закатать и пояс затянуть потуже, но в общем и целом вышло замечательно – халат был теплый, махровый, приятного зеленого цвета. Судорожно зевая, Ит выполз из ванной и поплелся на кухню, с трудом подавив искуc свернуть направо, в комнату, где он успел заметить разложенный диван.

– Давай, быстро ешь и ложись, горе мое, – Берта поставила перед ним тарелку. – Смотреть на тебя – сил никаких нет. Ты сейчас челюсть вывихнешь.

– Оооууу... ой, прости. Ну тогда не смотри, – предложил Ит.

– Не могу, – покачала она головой. – Ит, ешь. Давай, давай, я что, просто так старалась, что ли?

Ит покорно подцепил на вилку кусочек куриной котлеты и отправил в рот.

– Вкусно? – требовательно спросила Берта.

– Очень, – искренне ответил он, прожевав. – Нет, правда. И пюре тоже вкусно. И вообще все вкусно и все замечательно, просто я...

– Так, еще три ложки, и свободен, – сдалась она.

– А мясо разобрать?

– Дожили... сама разберу, помою и поставлю вариться первую порцию.

– Слушай, я посплю пару часов, и потом мы с тобой вместе все сделаем, – предложил Ит.

– Родной, если я не справлюсь с варкой мяса и разборкой рюкзака, то сдавай меня смело на свалку по непригодности, – строго ответила она. – Так. Все. Чай, и пошел спать с глаз моих долой. А иначе...

– А иначе что? – Ит зевнул так, что на секунду и впрямь испугался за челюсть.

– Не знаю, но я хорошо умею импровизировать!

* * *

Когда Берта через пятнадцать минут заглянула в комнату, она обнаружила мужа крепко спящим на диване – поверх одеяла, в халате и тапочках. Одеяло ей кое-как удалось вытащить, тапочки снять, а вот с халатом Ит расставаться отказался категорически. Берта махнула рукой, набросила на него одеяло, потом, секунду подумав, добавила сверху еще и плед. Холодно в квартире, батареи работают еле-еле. Нет, зимой будет получше, но осенью это не батареи, а декорация. Пускай отсыпается в тепле, под пледом как-то веселее.

Чертовски хотелось плюнуть на все и тоже забраться под одеяло... обнять, прижаться; как же не хватает, ужасно не хватает этого тонкого живого тепла, дыхания. Им проще, все-таки проще, несмотря на эту чудовищную нагрузку, которую они по своей воле на себя взвалили; они хотя бы вместе, а она тут одна... горло сдавило, и Берта поняла, что вот-вот расплачется.

Нет, хватит.

Хватит, Роберта Михайловна.

Всего этого – хватит.

И жалеть себя хватит, и тянуть тут третий год эту постылую одинокую жизнь – хватит тоже. Вот выпится, и будем ставить перед фактом. По крайней мере, она, Берта, точно будет. Джесс... Джесс пока что думает, но, как все больше и больше начинает казаться, уже надумала.

Берта присела рядом с Итом, потом все-таки на секунду прилегла, обняла, поцеловала – сама не разобрала, куда, то ли в нос, то ли в висок. Он сонно улыбнулся, выпростал из-под одеяла руку, погладил ее по щеке, по волосам.

– Спи, чудо, – приказала Берта. – Нам сегодня еще сухофрукты обрабатывать, до ночи провозимся.

– Угу, – отозвался Ит, не открывая глаз. – А можно шторы... того...

– Можно. Все. Спи.

* * *

Лимонов, конечно, не было, Ит почему-то всегда забывал купить лимоны. Берта разобрала его покупки, активировала все шестнадцать контейнеров и сделала первую раскладку: сгущенка и шоколад. Потом будет следующая – тушенка. Для людей – говядья, для рауф – из баранины. Дополнение (и весьма дельное) – паста из сухофруктов, орехов, меда и лимонов. Скрипач, когда сделали эту пасту в первый раз, съел грамм двести, настолько оказалось вкусно. Ну и добавки в свободные отделения контейнеров, каждому – кто что любит. Илья, например, получит дополнительные шоколадки; Саша – полкило орехов кешью, Кир – лимоны с сахаром и грамм двести малинового варенья, Фэб – грамм триста меда... черт, проклятые лимоны, выйти, что ли?... ну и так далее. Затея не без трудностей, но оно того стоит: весь госпиталь от «волшебных коробочек» в восторге, потому что даже у «Сфинксов» такой роскоши в заводе нет.

Дополнение к рациону. Натуралка – там, на Лубенском, натуралку не достанешь; все рационы армейские, производства Санкт-Рены. Вполне пристойная еда, если не знать, что это синтетика.

Фишка и Тима, конечно, уже сидели при рюкзаке. Причем Тима, нахал этакий, еще и клапан тормозил, стараясь приоткрыть – кот отлично знал, кому достанутся все пленочки с говядины и все жилки из баранины.

– Бессовестные вы кисы, – упрекнула их Берта. – Хозяин приехал, а вы... эх, вы...

Фишка мякнула, отвернулась. Тима снова потерял лапой рюкзак – поторапливайся, мол, чего задумалась? Берта отпихнула настырного кота и стала перекладывать мясо в раковину. Пока что говядину, баранину можно будет попозже. Кошки, конечно, тут же переместились к ней поближе и заняли выжидательную позицию.

– Низкий старт, – пробормотала Берта, обмывая под краном первый кусок. – Ладно. Сейчас угощу. Обжоры!..

Кошки, конечно, себя ждать не заставили. Берта усмехнулась. Так, мясо вымыто, теперь скороварки. Где мои скороварки? Правильно, в кухонном столе, на нижней полке. Два года назад Скрипач купил эти скороварки, качественные, импортные, ведерного размера. Купил, когда понял, что это все – надолго и что скороварки «под задачу» будут в самый раз.

...Мясо пришлось переложить в миски, а скороварки – вымыть. Запылились. Правильно, к ним три месяца никто не прикасался. Скрипач заезжал летом на двое суток, и с тех пор скороварки стоят без дела. Да и вообще вся посуда стоит без дела; кастрюли, большие, «семейные», тоже покрывает сейчас слой пыли, и тарелки, и огромную чугунную сковородку, которую рыжий прозвал НЛЮ... Берта замерла с крышкой от скороварки в руке, посмотрела на плиту. Маленький ковшик, в котором она варила себе кашу или замороженные овощи, сиротливо притулился на дальней, самой маленькой конфорке, и маленькая сковородка висела сейчас на крючке над раковиной.

Тоска какая. Будь она проклята, эта тоска, и будь проклято одиночество! Нет, не могу так больше. Не могу и не хочу. И не буду. Два с лишним года терпела эту пустоту, и невыносимо мне больше терпеть; невыносимо таскаться незнамо зачем на эту постылую службу, зарабаты-

вая никому не нужные деньги; невыносимо покупать еду только себе, и уж совсем невыносимо возвращаться вечерами домой, к истосковавшимся кошкам. Только кошки и спасают...

Фишка доела мясо, благодарно мяукнула и пошла в комнату – к Иту, разумеется. Тима, тоже доевший свою порцию, нерешительно мялся на пороге. Видимо, думал – то ли поклянчить еще, то ли последовать примеру подруги.

– Страшная дилемма, Тим, – усмехнулась Берта. – Любовь и жадность, да? И кто победит?

Любовь победила – Тима коротко мявкнул и тоже покинул кухню.

Берта покачала головой и принялась за работу – возни с едой предстояло еще очень и очень много.

* * *

Ромка пришел ближе к вечеру. У них в музыкальной школе сегодня была генеральная репетиция, готовились к праздничному концерту – поэтому и собрались в неурочное время, в воскресенье. Хорошая школа, только, кажется, Ромке не очень хочется заниматься гитарой. Нет, он послушный мальчик, и занимается, конечно, но без энтузиазма. Не из-под палки, без скандалов и криков, но – именно что без энтузиазма. Да и успехов особенных нет. Как говорит его преподавательница, милейшая Юлия Андреевна, «на твердую четверочку».

...Сколько они спорили в свое время про эту музыкальную школу! Фэб, кажется, первым понял, что школа на фиг не нужна, но Ри настаивал – обязательно школа, и обязательно гитара. Фэб сказал, что не следует компенсировать за счет ребенка то, что не добрал сам, а Ри в ответ заявил, что это его сын и ему виднее.

– Ну-ну, гений. Виднее, говоришь? Когда Орбели увозила Маден в университет, ей тоже было виднее, – покачал головой Скрипач. – И чем все кончилось?

– Я хочу, чтобы он получил музыкальное образование, – сердито ответил Ри. – Что в этом плохого, рыжий?

– Плохого ничего, но Безумным Бардом это его не сделает, – вздохнул Скрипач. – Ладно, поступай как знаешь... Черт, до чего же они быстро растут, – пожаловался он. – По ощущению – буквально вчера еще на ручках носили, и на тебе, музыкальная школа. Может, еще одного родите?

– Родим, – усмехнулась Джессика. – Как только будет возможность...

Умный Ромка, конечно, не стал звонить. Тихонько поскребся в дверь, и Берта ему почти сразу открыла – знала, что придет. Привычно чмокнула мальчика в макушку и сказала:

– Давай раздевайся, и на кухню. Хоть чаю попьем.

– А Ит? – тут же спросил Ромка.

– Полутруп дрыхнет, – вздохнула Берта. – Боюсь, пообщаться не получится.

– Ну вот, – расстроено вздохнул Ромка. – А я думал...

– Завтра поговорите, – пообещала Берта. – Кстати, держи. Это тебе.

Красная пуля произвела на мальчика впечатление куда более сильное, чем ожидала Берта – почти минуту Ромка благоговейно ее рассматривал, потом погладил пальцем и положил в нагрудный карман рубашки. И застегнул карман на обе пуговицы, чтобы не потерять подарок.

– Вот объясни, зачем она тебе нужна? – попросила Берта.

– Ну как тебе сказать, Бертик... – Рома задумался. – Кажется, мне скоро понадобится много удачи. Что-то у меня должно получиться, а без пули не получилось бы. Теперь получится.

Берта покачала головой.

– Дай-то Бог, чтобы ты сейчас говорил про удачное выступление на концерте во вторник, – пробормотала она. – Давай, надевай тапочки и пошли чай пить.

...За последний год Ромка сильно вытянулся, сейчас он был почти с нее, Берту, ростом. Если все пойдет и дальше такими темпами, то у Ромы есть реальный шанс перерасти Ри. Ха-ха, так ему и надо, гению. И вообще, парень из Ромки получится очень красивый. Уже сейчас это видно. Лицо – помягче, чем у Ри, черты больше похожи на черты Джессики, и глаза карие, как у нее, а вот фигура, осанка, манера держаться – явно отцовские. И волосы точь-в-точь как у гения – черные, густые. И внутренняя какая-то строгость, непримиримость – тоже от Ри, Джесс никогда такой не была и не будет. А еще – порода. Да, именно порода. Что-то неуловимое, но присутствующее. И с каждым годом – все ярче, все заметнее. Как разгорающийся огонь, молодой, рьяный, неугасимый...

* * *

Ромка, увидев разоренный рюкзак, тут же кинулся помогать. Сначала, правда, позвонил маме и предупредил, что задержится у Бертика; а потом начал действовать. Переложил в большие кастрюльки курагу и чернослив и принялся мыть – пол, конечно, замочил, не без того, но у Берты хотя бы появилась возможность глотнуть чаю, а потом – вовремя успеть в комнату, чтобы словить Ита. К сожалению, сигнализация машин, припаркованных во дворе, была очень похожа на сирену, которую использовали в «Вереске», а Ит спросонья соображал не очень и всегда почему-то решал, что он в госпитале и что «вот прямо сейчас надо бежать, потому что воеет».

– Ит, отбой, это машина! – привычно приказала она, быстро входя в комнату.

– Черт... – успевший сесть Ит тут же лег обратно. – Надо было купить беруши. Малыш, прости. Я тормоз...

– Я знаю, – успокоила она. – Чаю принести? Там Ромка пришел.

– Ммм... да нет, наверное. Бертик, извинись за меня, пожалуйста, но я что-то... не того... – Ит натянул одеяло повыше. – Попроси, чтобы завтра... Ты пулю отдала ему?

– Отдала. Спи дальше.

– Ему понравилась?

– Не то слово. Спи, говорю, немедленно.

– Угу...

Вернувшись в кухню, Берта обнаружила, что Ромка во время ее отсутствия уже успел вытащить электрическую мясорубку и сейчас рассматривал решетки, решая, которая понадобится.

– Бери ту, у которой дырочки поменьше, – посоветовала Берта. – Так вкуснее получается.

– Ага, ладно, – Ромка сунул ненужную решетку в коробочку с насадками. – Бертик, мама сказала, что ты уезжаешь. Правда? Это так?

Берта ждала этого вопроса.

– Правда, – ответила она, присаживаясь за стол. – Ромкин, пойми, я слишком скучаю по своим.

– А я скучаю, потому что папа... – Ромка осекся. – Но мы же не можем поехать с мамой.

– Можете, – возразила Берта.

– Нет, не можем, – упрямо возразил мальчик.

– Нет, можете, – покачала головой Берта. – Рома, ты уже большой и много что понимаешь.

– Нет, я дурак маленький, – Ромка нахмурился. – И не понимаю.

– Понимаешь. Ты отлично понимаешь, что маме тяжело точно так же, как и мне.

Рома тяжело, совсем по-взрослому, вздохнул.

– Ну почему так? – горько спросил он. – Я хочу дома... я не хочу никуда ехать...

– А маму тебе не жалко? – вопросом на вопрос ответила Берта.

Жестоко. Она отлично понимала, что сейчас поступает жестоко, что это подло по отношению к мальчику, что это, откровенно говоря, шантаж – но в то же время она понимала, что происходящее может потом обернуться... да нет, не бедой, конечно, но все равно чем-то нехорошим и неправильным.

– А маме и тебе не жалко нас с Настей? – Ромка поднял взгляд, и Берта в который уж раз поразились – до чего же умен парень, как точно порой ловит такие вещи. – Бертик, ты как маленькая. Ты клянчишь. Сама видишь.

– Пас, – Берта опустила голову на руки. Ромка тут же подошел к ней, обнял. Она выпрямилась, через силу усмехнулась, щелкнула его по носу, взъерошила волосы на макушке. – Ром, я все равно уеду. Ты же знаешь.

– А Ит знает? – ухмыльнулся Ромка.

– Узнает, – пообещала она.

– Ой, как он обрадуется, – ехидно поддел ее мальчик.

– Догадываюсь, но ничего не могу поделать, – она хлопнула по столу ладонью. – Ты в школе больше ничего не пробовал рассказывать?

– Не-а, – помотал головой Ромка. – Они тупые. Ржут и говорят, что я придумываю.

– Тебе мама сразу сказала, что так и будет, – напомнила Берта.

– Но Настя же мне верит!

– Так то Настя...

* * *

Ромка как раз перешел в третий класс, когда в его школе появилась Настя. Первой ее случайно заметила Джессика. Она и Ри пришли вместе с Ромкой в школу первого сентября и ждали начала торжественной линейки. Стоял погожий, совсем летний день; дети, соскучившиеся друг по другу, болтали, смеялись; играла музыка, тут и там сновали преподаватели, отовсюду слышались оживленные голоса и смех. Ромка, пока не началась линейка, тоже куда-то убежал, и Ри сейчас ему звонил – разумеется, чтобы вернуть блудного сына на исходную позицию.

– Господи... – вдруг сказала Джессика, обернувшись. – Одуванчик!

– Чего? – не понял Ри, засовывая телефон в карман легкой куртки.

– Да вон, смотри. Девочка – как одуванчик, – Джессика засмеялась. – Вон стоит, у лестницы. С мамой.

Ри обернулся.

Эта парочка, мама и дочь, действительно стояли в стороне, у входа в школу. Мама оглядывалась, видимо, пыталась найти табличку класса (такие таблички на длинных палочках были у классных руководителей) и все никак не находила. Девочка безучастно стояла рядом, сжимая в одной руке ярко-красный рюкзак, а в другой – такие же красные розы, обернутые в целлофан, и ковыряла носком туфельки трещину в асфальте. Удивительная девочка. Тонкая, как тростинка, и с огромной копной почти белых, мелко вьющихся волос.

– Обалдеть, – Ри покачал головой. – Действительно, одуванчик... Слушай, а я их раньше не видел.

– Наверное, новенькая, – пожала плечами Джессика. – Интересно, в чей класс? Ей лет восемь-девять.

– Может, и в наш, – Ри заозирался. – Рома! Ром, иди сюда немедленно, где тебя носит!

– Пап, я сейчас! – откликнулся сын откуда-то сбоку. – Я уже иду!

– «Уже иду» было три минуты назад! – рассердился Ри. – Ну что за безобразие!

– Я уже тут, – Ромка протолкался к ним поближе. – Мам, отдай рюкзак.

– Цветы возьми, негодяй... рюкзак ему...

...После уроков Ромка позвонил Джессике и сказал, что задержится – отпросился погулять. Та согласилась. Погода стояла хорошая, а Ромка, по его словам, дальше двора никуда идти не собирался. У Джессики на первое сентября был взят выходной, да еще и вечером должны были прилететь из Москвы Фэб с Киром (всей семьей у них в этот раз приехать не получалось, работа), поэтому Джессика принялась готовить стол к празднику – ради Ромки они уже третий год отмечали День знаний.

Через пару часов дверь в квартиру открылась, и Джессика поняла, что сын вернулся. Так и оказалось, но... сын вернулся не один. Рядом с ним, к вящему удивлению Джессики, стояла та самая девочка-одуванчик, на которую она и Ри обратили внимание утром.

– Мама, познакомься, это Настя, – представил девочку воспитанный Рома. – Мы решили, что будем дружить. Ты не против?

– Здравствуй, Настя, – Джессика улыбнулась. – А твоя мама не будет против того, чтобы ты дружила с мальчиком?

– Здравствуйте, – спокойно ответила девочка. – Нет, не будет. Она, как только увидела ваш «Рендж Ровер», тут же разрешила.

Джессика слегка поперхнулась, но вовремя сориентировалась.

– Ей так понравилась наша машина? – спросила она.

– Ей понравилось, что у вас много денег, – невозмутимо пояснила девочка. – А вас тетя Женя зовут, да?

Джессика кивнула. Тут, «для всех», они использовали схожие имена – Джессику почти все называли Евгенией или Женей, а Ри – Игорем.

– Да, – Джессика кивнула.

– Теть Жень, вы не обращайте внимания на маму, – попросила девочка. – Она дура. Жадная. Она добрая, – тут же поправила Настя сама себя, – но дура.

– Не надо так говорить про маму, – попросила Джессика. – Это нехорошо.

– Нехорошо, зато правда, – Настя отвела глаза. – Я вас просто предупреждаю. А то вы потом удивляться будете.

– Не думаю, что меня можно этим сильно удивить, – хмыкнула Джессика.

– Учительница же сегодня удивилась, когда мама ее спросила, кто из детей богатый, чтобы я с ним дружила, – сообщила девочка. У Джессики глаза полезли на лоб.

– Она нас вместе посадила, – добавил Ромка. – За первую парту. Весь класс ржал.

– Они сказали, что мы – жених и невеста, – захихикала Настя.

– А я сказал, что им, наверно, завидно, потому что на них ни одна девчонка не посмотрит, – присовокупил сын. – Мам, мы с Джеем погуляем?

– Погуляйте, – разрешила Джессика. – А потом приходите, я уже почти все доделала. Настя, вы празднуете Первое сентября?

– Нет, – Настя погрустнела. – Мы даже день рождения не празднуем. Ничей. Ни папин, ни мамин, ни мой.

– Почему? – растерялась Джессика.

– Потому что мама говорит, что это не повод для радости, а повод для грусти. Что жизнь короткая и уходит, и что день рождения празднуют только идиоты. Плакать надо, а они празднуют. И что вообще на праздники тратятся только дураки.

– Ну, значит, мы дураки, – улыбнулась Джессика. – Ром, тащи собаку с кухни и идите. Полчасика дай ему побегать на площадке, и домой. Будем есть дурацкий торт с дурацкими розами, пить дурацкий чай с дурацким вареньем и получать дурацкие подарки. Рома, ты поделишься дурацкими подарками с дурацкой Настей?

Дети уже вовсю хихикали, поэтому ответил Ромка не сразу.

– П-п-поделюсь... Дурацкая Настя, пошли гулять с дурацкой собакой на дурацкую улицу...

– Дурацкий Ромка, положи дурацкий рюкзак... Оооой... Тетя Женя... Ой, дурацкая тетя Женя, а можно попросить дурацкой водички, а то пить хочется...

...Через полгода Настя уже прочно обосновалась в их доме. Дети почти все свободное время проводили вместе. Делали уроки, гуляли, позже – вместе пошли в музыкальную школу; Ромка – по классу гитары, а Настя – на флейту. Римма Андреевна, мама Насти, и впрямь оказалась на поверку женщиной глуповатой, простоватой, но при этом – не злой и совершенно лишенной какой бы то ни было житейской смекалки или хитрости. Оставалось только удивляться, почему Павел, папа Насти, выбрал себе такую жену. Сам он был человеком отнюдь не глупым, очень образованным, прозорливым и вскоре хорошо сошелся с Ри. Дружбой эти отношения назвать было, конечно, нельзя, но оба отца стали со временем хорошими приятелями.

– Ну, сдружились, и хорошо, – сказал он как-то про Настю и Рому. – Я в Римму тоже еще в школе влюбился. Правда, не так рано. Класе в седьмом, кажется, не помню уже точно. Потом разошлись, а потом... уже после института встретил ее случайно, ну и... – он улыбнулся. – Она, может, и не Эйнштейн, зато в ней другое хорошо.

– И что же? – полюбопытствовал Ри.

– Она – моя, – просто ответил Павел. – Я это словно с первого дня знал, что моя. Так и вышло...

...Настя тоже была «не Эйнштейн», училась не ахти как хорошо. Ромка, который с первого класса был круглый отличник, стал помогать – и оценки у Насти выправились, теперь она «плавала» между четверками и пятерками. Женихом и невестой их давно не дразнили, всем надоело. Как-то прижилось как данность – ну ходят везде вместе Давыдова с Торгачевым, и чего? Чем дразниться, лучше бы у Торгачева контрольную по матишу списать. Торгачев добрый, не откажет. А если откажет, так надо к Давыдовой подъехать, пусть Давыдова его и попросит...

* * *

Ромка ушел через час – позвонила Джессика и попросила его вернуться домой. Она приболела (насморк, ерунда, Ит выпится и завтра все поправит), а с Джем нужно было вечером погулять, пес уже просился, ходил за ней по квартире с поводком в пасти, скреб лапой дверь.

– Бертик, мы завтра с мамой придем, да? – спросил Ромка уже в дверях.

– Приходите. Только не рано, – попросила Берта. – После полудня, а лучше в час. Сам понимаешь, пока он выпится...

– Понимаю, – с грустью кивнул Ромка. – Папа тоже почти сутки спал, когда последний раз приезжал. Мне надоело так, Бертик. Я хочу, чтобы как раньше...

– Милый мой, я тоже хочу, – Берта покачала головой, вздохнула.

– Но почему все так?

– Мы же тебе рассказали, почему так. Это жизнь, Ром. Так бывает.

– Значит, как-то неправильно бывает, – Ромка насупился. – Пойду я. Джей там скулит уже небось.

Когда за мальчиком закрылась дверь, Берта постояла минуту в прихожей, прислонившись плечом к стене, затем пошла на кухню – обе скороварки уже посвистывали, надо убрать огонь.

Жизнь?

Так бывает?

...Может быть. Может быть, так и бывает. Но вот только далеко не у всех оно так бывает почему-то. И ведь у нас тоже бывало иначе. Она вспомнила, как несколько лет подряд, до этого всего безумия, они ездили отдыхать на юг, на Черное море, всей семьей. Две машины, прицеп, на котором стояли «Хонды», дорожные спортивные мотоциклы, которые купили себе Ит и Скрипач, багажники забиты вещами под завязку, а до этого – шумные сборы, веселье, точка

встречи – ехали из разных городов – большой пикник в самом начале путешествия, с шашлыком, с обязательным мороженым для тогда еще совсем маленького Ромки. Ри восторга Ита и Скрипача от возможности «погонять в свое удовольствие» не разделял, ворчал, если они затевали гонки на трассе; Фэб нервничал первое время, но потом успокоился; и как же прекрасно это было – две машины, летящие сквозь огромное теплое лето, поля, леса; ушедшие далеко вперед мотоциклы, а потом – букетики полевых цветов, которые ребята, пока машины догоняли, успели нарвать для нее и для Джессики. Шуточные споры по рации, пикировка насчет машин: «Ри, зачем ты купил себе этот белый сарай?», «Мой белый сарай хотя бы на солнце не нагревается, а вот на кой вам черный сарай, да еще такого размера, я вообще не пойму», «Нас, если ты не заметил, пятеро, и два кота!», «А нас тоже пятеро и большой собак!», «Зато в нашем сарае можно спать», «В нашем тоже». И так далее... Потом их ждал целый месяц юга, тепла, солнца; совершенно не загаженный дикий каменистый пляж, маленький домик, стоящий на отшибе, который они снимали несколько лет подряд у одной и той же хозяйки; и весь этот месяц морского южного лета всегда принадлежал Ромке, потому что все это было в первую очередь для Ромки и только потом – для всех остальных. Это для него плавали тогда между камней в теплой, спокойной воде крошечные рыбки, это для него светили звезды, это для него приплыли однажды к самому берегу дельфины; это для него, и только для него продавали на рынке вкусные персики и виноград, и, конечно, только для него приводили по выходным на площадь настоящего живого ослика, с которым можно было фотографироваться и на котором можно было даже прокатиться.

Было, было... вот только ушло, и непонятно, надолго ли. Может, и навсегда.

Мотоциклы сейчас в гараже, под замком, в Москве. А на машинах ездят теперь только Берта и Джессика, впрочем, она, Берта, к машине подходит хорошо если раз в месяц, предпочитает общественный транспорт. Слишком большая машина, слишком много в ней свободного места. Лучше на метро, на трамвайчике, на автобусе. Почему? Ну, потому что лучше. Как-то так получилось, что так стало лучше...

Пол после Ромкиных стараний пришлось протереть, а курагу с черносливом – откинуть на дуршлаг, чтобы обсушить. Потом Берта оделась и сбегала на улицу, в магазин, за лимонами. Купила два кило – на нее посмотрели как на сумасшедшую, но она не обратила внимания, не до того было. Вернулась – скороварки вовсю свистели. Значит, пора делать «антракт». Это Скрипач где-то прочел, что мясо получается вкуснее и нежнее, если варить его «с антрактами», выключать на полчаса, а потом ставить кипеть снова. Попробовали – действительно, метод работал. Говядина в этот раз хорошая, молодая, поэтому еще полчаса, и можно будет раскладывать. И по справедливости, поэтому нужны весы.

Весы отыскались там же, где и скороварки, на нижней полке. Их тоже пришлось вытереть от пыли, и Берта снова расстроилась, но тут же одернула себя – хватит, довольно! Приняла решение? Приняла. Вот из этого и будем исходить, а все остальное – мусор. Мусор – прочь. Все, занимаюсь делами дальше.

Часам к восьми вечера на кухню выполз зябко кутающийся в кировский халат Ит. Налил себе чаю, потом вытащил из холодильника сыр, отрезал кусок.

– Ты нормально поесть не хочешь? – спросила Берта.

– Не-а, – ответил он, отхлебывая чай. – Пока не хочу. Тебе с мясорубкой помочь?

– Сама справлюсь, – отмахнулась Берта. – Тоже мне большое дело.

– Большое, – возразил Ит. – Вон сколько всего. Где кастрюль?

«Кастрюлом» в доме называли самую большую кастрюльку. Кроме «кастрюля» имелся еще «кастрюльчик», и замыкал тройку «махонький кастрюльчик» – Кир, после оглашения названий, пообещал, что при первой же возможности прибудет Скрипача чем-нибудь тяжелым. Скрипач позже признался, что это на самом деле не он придумал, а сплагатил где-то, теперь уже невозможно вспомнить, где именно. То ли услышал, что ли прочитал... Названия, впро-

чем, хорошо прижились – если кто-то искал кастрюл, то помочь с поисками было гораздо проще...

– Кастрюл где-то наверху, его помыть надо, – предупредила Берта. Ит встал на табуретку, залез на верхнюю полку – точно, вон и кастрюл. Пыльный, как незнамо что. – Слушай, вымой его в ванной, а то в раковине курага...

– Черт-те что, – пожаловался Ит, возвращаясь через пять минут обратно. – Такое ощущение, что он на себя всю пыль собрал, которая в доме была!

– Лето, – пожала плечами Берта. – Окна открывала, вот и налетела всякая дрянь. Что поделать.

– Ничего, – пожал плечами Ит. – Малыш, ты давай, командуй. Лимоны? Ой, черт, я их не купил!..

– Я уже сходила. Давай лимоны. Рука не болит?

– Да что ей делается...

Некоторое время они работали молча, да и разговаривать было почти невозможно – попробуй поговори, когда включена мясорубка. Потом Берта сделала чаю, и они наскоро перекусили: по бутерброду с котлетой да по паре ложек меду. И поспешно стали работать дальше. Говядина уже была разложена в контейнеры, теперь настала очередь заняться бараниной.

– Кир обрадуется, – заметил Ит. – Он последний месяц все сокрушался, что хочется чего-то этакого, настоящего, а у нас со временем было совсем плохо. Не поверишь, мы даже на берег не выходили, не говоря уж о городе. Один раз на сбор только, и все.

– Один раз? – удивилась Берта. – За месяц?

– Ну да, – Ит пожал плечами. – «Сфинксы» забирали всех сами, нам, как сама понимаешь, кидали самых... самых лучших. Которые уже лучше некуда. И не выпускали на сбор. Опять пошла какая-то дележка власти у начальства, как мне кажется.

– Когда она прекращалась, – поморщилась Берта. – У них дележка, а достается в результате вам. Замечательно.

– Лучше не бывает, – мрачно подтвердил Ит. – При других обстоятельствах я бы уволился.

– Некуда вам увольняться, – Берта облизала чайную ложечку – уж больно вкусный мед Ит привез, и как он только так ловко всегда выбирает? – Сам понимаешь, или Санкт-Рена, или... мы все попадаем под официалку.

– Мы под нее и так попали, как под асфальтовый каток, – мрачно заметил Ит. – Помнишь, Клим сказал, «вас самих найдут»?

– Помню, – кивнула Берта. – Только это разве не Сил сказал?

– Какая разница, кто? Правильно сказал, вот что важно, – Ит отложил нож, которым снимал шкурку с очередного лимона. – Мы сюда переехали – и что? Проходит совсем немного времени, и начинается это вот все. У Ри, если я правильно понял, уже какие-то нехорошие мысли начали появляться на этот счет.

– Вы с ним говорили?

– Целых десять минут, когда грузили раненых, – Ит вздохнул. – Если это можно так назвать, то да, говорили.

– И?

– И он сказал, дословно, «работаем дальше».

– Ага, работаете. Он – извозчиком, вы...

– Бертик...

– Что – Бертик? Я что, не права?

– Права, – удрученно согласился Ит. – Термоядерные какие-то лимоны, аж руки щиплет. Сахара придется побольше положить.

– Нормальные лимоны. Хочешь, я сама почищу, а ты пока помешай кастрюлю, пожалуйста... ста...

Минут через сорок смесь была готова. Съели по столовой ложке, чтобы убедиться в том, что все получилось как надо, затем Ит побрел в комнату спать дальше, а Берта стала раскладывать смесь по контейнерам. Время было за полночь, она чувствовала, что устала и что ей самой уже тоже хочется спать.

* * *

Ночью они лежали вдвоем, под одеялом, и разговаривали. Было около трех. Ит, проснувшись, обнаружил с удивлением, что выспался, а Берта почему-то сильно нервничала и заснуть толком не могла. Не получалось.

– Ит, я правда так больше не могу, – пожаловалась она. Ит тяжело вздохнул. – Можно, я тебе расскажу одну историю? Только пообещай, что не будешь смеяться.

– Обещаю, – тут же откликнулся Ит.

– Нет, ты по-настоящему пообещай, – потребовала Берта. – Потому что это действительно смешно... когда происходит не с тобой и когда ты про это слушаешь.

– Постараюсь. А что случилось? – Ит лег поудобнее, так, чтобы ее лучше видеть.

– Это было летом, в августе, два месяца назад. Помнишь, было несколько дней жарких, Ри как раз после этого приезжал?.. Ему я, понятное дело, про это рассказывать не стала, только Джесс... Ну, в общем, вот что получилось. Я решила на ночь принять душ, тем более что горячей воды долго не было, а мыться из ведра радости мало. А тут столько счастья сразу: и горячая вода, и тепло. В общем, думаю, дай-ка помоюсь перед сном, причем от всей души. Может, расслаблюсь – нервничала последние дни, сама не своя ходила...

– Из-за нас? – печально спросил Ит.

– А из-за кого? Ну так вот. Вымылась, вылезая из ванны и вдруг слышу – по квартире кто-то ходит. Шаги! Топ-топ, топ-топ. Господи... Ит, у меня чуть сердце от страха не остановилось. Да, вы меня учили, как отбиться, если что, но одно дело – учеба, да еще и с вами двоими, а другое – когда ты одна в квартире ночью и слышишь... это вот... Взяла себя в руки. Стою, слушаю. Ходит. То тише слышно, то громче. Все, думаю. Приехали. И как на грех – и телефон в комнате, и коммуникатор! Решила, что без боя не сдамся, кое-как влезла в джинсы и майку и стала искать какое-нибудь оружие.

– В ванной? – недоверчиво спросил Ит.

– Разумеется, в ванной, где еще? Защелка хилая, но хоть полминуты его бы удержала, наверное, и потом, я подумала... в общем, пока защелка не щелкнула, пусть он думает, что я не слышу, как он ходит, и, может, он из-за этого в ванную пока что не сунется. Оружие я нашла, Ит. Какое сумела. Дезодорант в баллончике и совок металлический, старый. Который зеленый и который неудобный. Хозяйский.

– Так...

– Я решила, что поступлю следующим образом. В левую руку дезодорант, в правую совок. Резко открою дверь, пшикну ему в морду дезодорантом, а потом огрею совком по голове, если получится. В общем, открываю дверь с ноги, выскакиваю...

Ит молчал, ожидая продолжения.

– Никого. Смотрю вправо-влево – никого. Скорее всего, он либо на кухне, либо в одной из комнат. Ну, я так и пошла по квартире – совок в одной руке, дезодорант в другой. Прошла все – пусто! Сбежал? Как?.. Через окно? Проверила окна – нет, все ограничители на месте, противомоскитные сетки тоже. Значит, через окна не вылезал. Проверила дверь – щеколда на месте. Знаешь, родной, это я сейчас так спокойно говорю, а тогда, когда я по квартире ходила... мне было страшно. Просто ужасно страшно! Я и не думала, что способна так пугаться. Ока-

зывается, способна. И еще как. Прошла квартиру, потом решила вернуться в ванную – не век же мне с совком ходить? Вернулась... и снова слышу эти шаги! Топ-топ. Ит... знаешь, что это было?

– Что?

– Это вода капала с душевой занавески на красный тазик, в котором Фэб стирает свои носки!!! Этот проклятый тазик лежал на дне ванны, я, когда помылась, сама его туда положила, а потом передвинула занавеску, и вода стала капать на тазик!!! И вот тут я... Ит, я поняла, что свихнусь, если это все будет вот так же продолжаться дальше. Не могу больше. Не могу – в пустом доме, в пыли, которую не для кого убирать, в тишине, в которой никто не дышит! Ковшик этот треклятый больше видеть не могу! Придурков в Интернете, которым ни до кого, кроме себя, дела нет и не будет никогда! Идиоток на работе, для которых сапоги или телефон важнее, чем родные мужья и дети! Я все понимаю, и что это правильно, и так должно быть, понимаю, и что они тоже имеют право, понимаю, и что этот мир вовсе не идеал, что хорошего и плохого тут поровну, но... Ит, правда... Даже на Терре-ноль, и то было лучше... и десять лет назад тут было лучше... Ит, не гоните меня... я... пожалуйста...

Он молча прижал ее к себе, не зная, что сказать. В этот момент он ощутил все ее одиночество, чудовищное одиночество, и ужаснулся – какой уж тут смех? Снова кольнуло – виноват. И в этом виноват тоже. Но у них ведь не было другого выхода...

Она чуть отстранилась, вздохнула.

– Маленькая, прости, – растерянно произнес Ит. – Бертик, прости нас, пожалуйста! Но...

– Ит, я переезжаю, – сообщила она.

– Куда? – не понял он.

– В Сосновый Бор. Да, да, ты не ослышался. Я сняла там квартиру.

– Бертик, погоди.

– Нет, это ты погоди. Я сняла там квартиру и буду там жить. Максимально близко от вас. И видаться мы будем чаще. Гораздо. Думаю, я найду способ это делать.

– Малыш, но...

– Ит, без «но».

– Я совсем не это хотел сказать!

– Ну?

– Господи... – Ит, кажется, растерялся. – Когда?

– В начале ноября. Хочу уволиться с работы по всем правилам и максимально подбить дела здесь. Да и Ромку нужно успокоить, он от моей идеи не в восторге, а Джесс сама его не убедит.

02. Озеро Лубенское. Госпиталь «Вереск». Будни

Проход в темпоральную капсулу открылся на этот раз метрах в ста от берега, поэтому пришлось взять «лодочку», хорошо, что в прибрежных кустах их валялось сейчас больше десятка – часть замаскирована под старые трухлявые обломки бревен, часть – под сломанные плотники для манков, которыми пользовались местные охотники. «Лодочка» прошла через отверстие в капсуле, которое тут же за ней сомкнулось, и заскользила по озеру, все дальше и дальше уходя от берега. «Вереск» пока что не было видно, но Ит знал, что госпиталь на всякий случай держат под еще одной линией защиты (зачем – не совсем понятно, но мало ли что, действительно), и он будет виден только совсем вблизи, да еще и только своим. Тем, кому Илья, старший врач «Вереска», позволит его видеть.

Серый матовый диск госпиталя возник перед «лодочкой» как всегда неожиданно, только-только ничего не было, а потом над водной гладью встала полупрозрачная, серая, пятиметровой высоты стена, расчерченная тонкими изогнутыми линиями. «Лодочка» замедлила ход и стала поворачивать вправо, к одному из внешних шлюзов, который тут же начал открываться. Через несколько секунд Ит, подхватив рюкзак, перепрыгнул на пол шлюза, одновременно отталкивая «лодочку», которая тут же пошла обратно, к берегу.

В шлюзе никого не было.

Ит по привычке принялся, нахмурился.

За двое суток его отсутствия раненные были, все-таки были. Новые. И... ну, точно. Корабля не было. Это значит, что как минимум половина госпиталя сейчас работает. Если не весь. Или...

– Кир, жратва приехала! – заорал из внутреннего коридора Скрипач. – Иди скорей!

– Да подождите вы, – огрызнулся Ит, запихивая рюкзак в «вошегонку». – Рыжий, не лезь в тамбур, блин! У меня тут флора со всего Питера!.. Илья оборется потом... Комбез чистый мне дайте кто-нибудь. Я джинсы с рубашкой в обработку суну на всякий случай.

– Ты мне варенья привез? – деловито осведомился Кир.

– Привез, – отозвался Ит, стаскивая рубашку.

– Бертик там как? – Скрипач уже залез в главное отделение рюкзака.

– Бертик так себе. Потом расскажу, – пообещал Ит.

– Но с ней все в порядке? – требовательно спросил Скрипач, поднимая голову.

– Физически да, – Ит вздохнул. – Но она очень сильно тосковала и решила сделать кое-что. Я не сумел отговорить...

– От чего отговорить? – не понял Скрипач.

– Соградо, почему так долго? – раздраженно спросили из коридора. – Ит, ты должен был приехать два часа назад!

– Илья, прости, электричку отменили, – виновато ответил Ит. – Проторчал на вокзале...

– На маршрутке можно было доехать. Или взять машину. Выходите из «вошегонки», вы мне нужны.

– Все? – грустно поинтересовался Кир, который сейчас держал в руках свой контейнер.

– Нет, не все. Ит, отдай им жратву. Бери облачение, и в третий угол. Бегом.

– Что там?

– Ох... Там 1/10 и 1/7. Сначала бери десятку, потому что там уже точно все, потом попробуй поговорить с семеркой.

– А вы сами не пробовали? – с тоской спросил Ит.

– Мы пробовали, но она требует священника и нас слушать не хочет.

– Опять «она»? – У Ита глаза полезли на лоб. – Это что, какой-то мировой заговор, что ли?! «Лада»?!

– На этот раз нет. Гермо, религиозная. Троединый этот ваш, или как там правильно.

– Илюш, я тебе два года объясняю – я исповедую реставрационизм, – безнадежно произнес Ит вслед стремительно удаляющейся спине главного врача. – Нет, ну твою налево... Кир, а где Фэб?

– Сидит с четверкой, разумеется, – хмыкнул Кир. – Половину младших отпустили, двое на технике, а двое – с Илюхой и Фэбом, на подхвате. Иди, бери тряпку, и давай туда, пока тебя Илья не прибил!

* * *

Госпиталь имел структуру, которую в просторечии называли «кругами». Первый, внешний круг предназначался для приема раненых, в нем же находились жилые помещения персонала. Во втором находились операционные и кабинеты, а в третьем, малом – стояли реанимационные блоки, числом шестнадцать. Круги разделялись «вошегонками», зонами тотального обеззараживания, и войти, например, в третий круг, не пройдя обработку дважды, было просто невозможно. Врачам, конечно, полагалось пользоваться биологической защитой, но на деле ее использовали нечасто – десять секунд на установку, а они далеко не всегда есть, эти десять секунд. Что же до систем, которые это отслеживали, то с любой системой всегда можно договориться...

«Вереск» был госпиталем маленьким, вспомогательным; основной госпиталь, работавший с порталом и называвшийся «Сфинкс», ходил в отдельной темпоральной капсуле по Финскому заливу.

Практически всех раненых, имеющих реальные шансы, забирал «Сфинкс».

«Вереск» брал тех, кто до «Сфинкса» просто не дожил бы. Тех, кто не мог вынести шести-восьми минут перелета до залива. Тех, у кого шансов практически не было... но именно «Вереск», находившийся в двух километрах от портала, давал раненым этот шанс.

Управлял «Вереском» Илья, врач, как сказал Фэб, «от Бога», но с характером, как заметил потом Кир, «не дай Бог». Огромного, больше двух метров, роста, какой-то по-медвежьи крупный, немногословный, суровый. Похвалы от него добиться было невозможно, максимум – на этот максимум младший персонал молился – это одобрительный кивок и короткое «угу». А вот наорать за малейшую оплошность Илья мог так, что после сеанса ора хотелось пойти и удушиться.

Единственным, на кого за два года Илья ни разу не повысил голоса, оказался Фэб. Мало того, они как-то быстро и хорошо сошлись – если Илья в этой жизни что и уважал, так это знания и навыки. И того, и другого Фэбу было не занимать.

Весь персонал госпиталя, кроме Фэба, Ита, Скрипача и Кира, принадлежал к так называемым иоаннитам, госпитальерам, вот только понятие это, как стало понятно, на территории конклава Санкт-Рена толковалось несколько иначе, не так, как в большей части миров Русского Сонма.

Вся медицинская система конклава работала по принципу «Мы помогаем всем». Никакой дискриминации – ни по расовому признаку, ни по финансированию. И никаких привилегий – больной, семья которого внесла в фонд организации большую сумму, и больной, за душой у которого не было ни гроша, получали помощь всегда одинаково.

Система существовала на налоги и пожертвования, а также имела дотацию, которая выплачивалась из фонда Ее Величества. Врачи, конечно, не роскошествовали, но и не бедствовали. Зарплаты, которые они получали, были вполне достойными, вот только на самих врачей накладывались существенные ограничения. По крайней мере, на время работы по контракту.

«Работа адова», – предупредил их Илья при найме. Так и оказалось. Один выходной в месяц. Все остальное время – передвижение в радиусе пяти километров от госпиталя, но не дальше. Строгое соблюдение устава госпиталя. Работа не нормирована. И тому подобное.

Во время найма произошел короткий разговор, после которого все поняли, что в жизни намечаются большие перемены и что прежняя работа запросто покажется им потом раем земным. И не ошиблись.

– ...Если я скажу, что надо плясать на руках, будете плясать, – Илья обвел всю компанию тяжелым взглядом. – Не выполните... под штраф не подведу, но веры вам не будет. Доступно?

– Доступно, – кивнул Фэб.

– На испытательном буду смотреть, чего вам доступно...

* * *

В третий круг Ит прибежал через полторы минуты. Свой налобник (так в просторечии они называли личные приборы), позволяющий читать приватные визуалы и снимать данные с информационной системы госпиталя, и облачение он надел во второй «вошегонке» и к нужному «углу» подошел уже в требуемом виде. Облачением, собственно, служила короткая накидка, называвшаяся тарга, прямоугольная, из темной ткани, больше в «Вереске» никаких церемоний не предусматривалось.

...Больные, конечно, не видели то, что было на визуалах у врачей, – только размытые цветовые пятна. Не факт, что кто-то из них был бы способен что-то понять, но этика всегда оставалась этикой, и вот уж с чем, а с этим тот же Ит был полностью согласен. Все верно: совершенно незачем живому существу лишний раз трепать себе нервы, ему и так плохо, зачем же добавлять еще один лишний страх?

Два реанимационных блока в «угле» были сейчас пусты, два – заняты. Около первого стояли Илья, Саиш и Фэб, около второго, на некотором отдалении, Генка и Руслан, причем у Руслана вид был какой-то излишне, на взгляд Ита, виноватый. Проштрафился? Интересно, как?

– Привет, – Фэб улыбнулся. – Долго ты что-то.

– Привет, скъ`хара... опять с поездами ерунда.

– Явился, – констатировал Саиш, оборачиваясь. – Илюх, когда ты разберешься уже с этими шатаниями? Ит, я понимаю, что жена – это святое, но есть же пределы!

– Электричку отменили, – второй раз за сегодняшний день стал объяснять Ит. – На КАДе серьезная авария, там большая пробка. Если бы я поехал в Автово, я бы практически ничего не выиграл по времени...

– Потом объяснишь, – Илья раздраженно махнул рукой. – Работай. Тут уже двенадцать. Полчаса максимум.

Ит кивнул. Подошел к блоку.

– Недолго, – предупредил Илья. – «Отпустим» сами. Фэб, пошли пока что, чаю глотнем. Ит, давай, чего ждешь? Волшебного пинка?

Ит активировал визуал, поднял вокруг блока защиту – от лишних глаз. И вошел внутрь.

Рауф, мужчина. Точнее, вот это может остаться от рауф, если он попробует в бою соперничать с «ладой», у которой действующий «рок». «Ладу» он, скорее всего, положил... но у них не только модифицировано тело и подняты в десятки раз реакции, у них еще и вооружение соответствующее. По рауф «лада» долбанула из игломета, видимо, уже на последнем этапе их боя, а игломет, разумеется, был заряжен... как у них там это называется? «Кровью и духом моим»? Насчет духа ничего нельзя сказать, а крови, чужой крови, рауф досталось порядочно. Миллилитров сто, а то и больше. На фоне всех остальных повреждений вывести его не получилось. Да и не могло получиться.

Рауф, конечно, был без сознания, точнее – он уже спал последним сном. Ит быстро глянул визуал, потом за пять минут прочитал все положенные молитвы, снова глянул. Показатели ползли вниз. Сейчас система снова начнет рассказывать, что процесс необратим. Господи, поскорее бы получить более высокий уровень, который позволяет обходиться без этих постоянных подсказок! Нет, они бывают порой полезны, но чаще всего, увы и ах, мешают. Не дают сосредоточиться.

– Ит, ты все? – спросил Илья через минуту.

– Да, – отозвался Ит, убирая защиту. – Илья, он семейный?

– Сейчас посмотрю, – перед Ильей в воздухе повис небольшой прямоугольник визуала. – Официальная, боевое подразделение, офицер... Значит, да, семейный.

– Хреново, – покачал головой Ит. – Может, попробовать до корабля дотянуть, а?

– Через семь часов корабль. Какое там, – Илья вздохнул. – Семерку бы дотянуть, а ты – двенадцать...

– Понял, – коротко ответил Ит. Поправил налобник. – Все, Илюш, я пошел.

Илья кивнул.

* * *

Рауф во втором блоке был, разумеется, в сознании и при приближении Ита даже, кажется, попробовал приподняться навстречу. Попробовал? Да нет, попробовала. Именно что попробовала – этот гермо действительно в большей степени походил на девушку, тонколицую, смуглую; черные волосы заплетены в бесчисленное количество тончайших косичек. Кожа сейчас, правда, выглядит не смуглой, а серой – ну это-то как раз понятно, рауф при таких поражениях переводят на кровезаменитель. Вместо правой руки – обрубок в иммобилизационном чехле, правой ступни нет, левая нога ампутирована по колено. Но это ерунда, это все вылечить достаточно просто. Хуже всего то, что этот гермо попал под черную пулю. Повезло – разорвалась она на выходе, поэтому воздействие чужого белка пока что можно блокировать. Пока что...

– Здравствуйте, – Ит выдвинул сиденье, присел рядом с блоком. – Вы просили священника, я пришел. Прощу прощения за задержку.

– Ничего, это не страшно, – гермо вздохнул. – Я бы еще подождала, врач сказал, что я умру позднее.

– Врач сказал? – удивился Ит.

Так, понятно. Ну, Руслан, влетит тебе сегодня от Ильи... и за дело. Ты же два года тут работаешь, придурок, и тебе сто раз говорили, чтобы ты молчал, если ситуация спорная. Ну кто тебя за язык тянул, спрашивается? Зачем ты обрек эту среднюю на такую чудовищную пытку – ожидание неминуемой смерти, которая однозначно легкой быть не обещает?

Мысленно пообещав сегодня же высказать Руслану все, что он о нем думает, Ит глубоко вздохнул и осторожно спросил:

– Вы знаете, что врач может ошибиться?

– Обычно врачи не ошибаются, – возразила она с горечью.

– Как вас зовут? – Ит решил пока что не трогать тему, перевести разговор.

– Анори... обычно называют Ано. Так короче.

– А жену как зовут?

– Веграни... Нет! У меня нет жены! Я...

– Не волнуйтесь, – попросил Ит. – Вы не первая, кто так поступает. Поверьте, очень многие делают ровно то же самое. Вы ведь расторгли брак перед наймом?

– Да, – Ано опустила глаза. – Оба брака. Берут... только тех, кто умеет входить в «берсерка». Я умею... почему-то не разучилась, несмотря на...

– На то, что вы имеете семью, – подсказал Ит. Она с облегчением кивнула. – Ано, вам ни в коем случае нельзя умирать, вы понимаете? Я, конечно, сделаю все, что мне положено, но поймите, если вы не хотите для своей семьи дополнительных проблем, умирать вам нельзя.

– Моя семья получит страховку, – возразила она.

– Они ничего не получают, – жестко отрезал Ит.

– Но страховка завещана...

– Компания, которая вас нанимала, в случае вашей смерти с легкостью оспорит это завещание, а потом повесит на вашу же семью все юридические расходы. – На самом деле, конечно, такое происходило не всегда, но сейчас лучше напугать чем-то, что может заставить бороться. А чего больше всего пугаются наймиты, Ит знал хорошо и не понаслышке. – Вас принимали в мире третьего уровня, индиго, фаза... думаю, вторая, да? Экспансия?

Она кивнула. Взгляд растерянный, все еще непонимающий. Ничего, сейчас поймет. Злились на них, Ано. Злились. В злости заключается немалая сила.

– Очень хороший контракт. На год. У нас только что родилась дочка, и я решила, что... что надо попробовать вывезти семью куда-то, где всем будет лучше. Мир старый и очень грязный. С деньгами мы бы уехали...

– А старший? Он зарабатывает хоть что-то?

– Мало, – она вздохнула. Ит бросил взгляд на визуал – пока что ничего, держится. Вопрос, сколько продержится. – Он очень добрый, и характер у него... слишком мягкий. Его часто обманывают.

А тебя, видимо, мало обманывали до этого, Ано. Или ты была в отчаянии, когда подписала этот самоубийственный контракт. Контракт, из-за которого ты оказалась тут, из-за которого ты сейчас лежишь здесь, из-за которого у тебя в крови на бешеной скорости возникают антитела, которые вполне могут тебя убить через какое-то время.

Если ты доживешь до корабля, твои шансы резко возрастают. С десяти процентов до девяноста. Потому что на госпитальном корабле Санкт-Рены тебя положат на двухнедельную непрерывную замену крови, вылечат или заменят пораженные органы и сделают потом удобные биопротезы вместо руки и обеих ног, которые остались тут, на Земле-п, в болоте. И ты сможешь вернуться домой.

...Так и не узнав, с кем и за что ты тут воевала...

– Ано, они обманули вас, – Ит покачал головой. – Давайте разберемся в ситуации.

– Вы отчитаете меня?

– Обязательно, – заверил Ит. – Но сначала я бы хотел понять, что именно произошло с вами. Расскажите мне подробно, как вообще получилось, что вы были вынуждены подписать такой контракт? Религия Триединого, прежде всего, подразумевает дарение разумным мира и добра, а не участие в чужих войнах...

Сначала она говорила неохотно, но потом, после нескольких удачных вопросов, ее словно включили. Ит слушал, прикидывая про себя, на сколько хватит этого разговора-исповеди – час, два? Или получится подержаться дольше?

Это называлось «тянуть», и сейчас он понял, что тянуть придется, скорее всего, до корабля. Самое главное – не позволить сдаться, не позволить опустить руки, впасть в отчаяние. Показать, что не все потеряно, что борьба только началась, а вовсе не заканчивается, и что есть шанс, реальный шанс подойти к финишу этой борьбы в живом виде, на своих ногах и не с пустыми карманами.

...За увечье ведь тоже положена страховка, Ано. Она меньше, но она есть. И если вы сейчас соберетесь с духом и будете бороться, вы получите эти деньги. И сумеете вывезти семью. Скорее всего, сумеете...

На исходе шестого часа Ит в очередной раз понял, что самая для него ненавистная вещь на этом свете – деньги. Каждый наймит всегда говорил про деньги. Для них, кажется, деньги

заменяли собой все – и патриотизм, и справедливость, и идеалы. Идеал был один – частичное освобождение от рабства и жизненных невзгод посредством общевселенского энергетического эквивалента.

Отчитывать Ано не пришлось.

Когда реанимационный блок заводили в корабль, Ит все еще продолжал рассказывать ей то, что она попросила. Как обратиться в благотворительный фонд Ее Величества, предназначенный для разумных, получивших травму или увечье во время боевых действий, и какую сумму там можно получить.

* * *

– Ну чего? – поинтересовался Скрипач, когда Ит вернулся, наконец, в их общую комнатку в первом круге. – Не померла?

– Не померла, – ответил Ит, стягивая с себя таргу и укладывая ее на маленькую полочку рядом с входом. – При чем взял я ее на 1/7, а отдал на 2/8, прикинь? Во какая сила внушения... это было бы смешно, если бы не было так грустно. Блин, рыжий, мне пора менять специальность.

– Какую на какую? – Скрипач по-турецки сидел на полу (он же общая кровать) и с любопытством смотрел на Ита.

– Священство... видимо, на юриспруденцию, – Ит хмыкнул. – Последние семь часов я был занят исключительно тем, что рисовал блестящие перспективы получения компенсации и объяснял тонкости работы с фондами и страховщиками. Это воодушевило ее настолько, что она показатели поднимать стала. Нормально? Черт-те что! «Если вы оцарапались, приложите к царапине десять единиц, поможет с гарантией».

– Семейная, небось, – предположил проникательный Скрипач. Ит кивнул. – И что? Радуйся, еще один плюс появится. Какое тебе дело до того, что ее волнует? В найм, если ты помнишь, практически все идут именно из-за денег.

– Точнее – из-за их отсутствия, – поправил Ит. – Ты еду раздал?

– А чего это сразу я? Кир раздал. Давно уже. Ты сам-то поесть не хочешь?

– Давай, – согласился Ит, усаживаясь рядом с рыжим. – Я бы и поспать не отказался.

– Ты небось дома выспался, – недовольно заметил Скрипач.

– Да как сказать... ну, поспал, конечно, но чтобы так уж выспался... да нет, – Ит взял коробку с рационом, вскрыл. Ткнул ложкой в белую тонкую крышечку первой порции, которая тут же начала рассыпаться и таять. – Рыжий, Берта переезжает.

– Чего? – Скрипач опешил.

– Того. Она сняла квартиру в Сосновом Бору и на следующей неделе переезжает сюда.

– Оба-на... – протянул Скрипач. – Не убедил? Ты вообще объяснил ей, что тут может быть опасно?

– Что тут может быть опасного? Нет, не убедил. Потому что тут, для начала, действительно не опасно. Она, оказывается, сюда уже приезжала два раза. Первый раз смотрела город и окрестности, второй раз договаривалась о съеме квартиры. Говорит, что тут ей очень нравится. Гораздо больше, чем в Питере.

– Почему?

– Потому что Терру-ноль напоминает. Ну, летом, предположим, и впрямь местами напоминает, но зимой... – Ит поежился. – Какая, на фиг, Терра-ноль? Это Сод в чистом виде. Тут очень холодно.

– А Джессика с Ромкой? – Скрипач нахмурился.

– Пока что остаются в городе, сказали, что до весны. Точнее – до лета. Пока школа. На лето, как я понял, планируют переехать к Берте, а там... как дело пойдет.

– Настя, значит, – понимающе кивнул Скрипач. – Ох, грехи наши тяжкие... Ты случайно Фэба и Кира не видел?

– Они бегать пошли, на дорожку, – Ит доскреб первую порцию и теперь ждал, когда растает следующая крышка. – Ты, кстати, не хочешь тоже пробежаться?

– Я спать хочу, – зло сказал Скрипач. – Пока кто-то прохлаждался с Бертиком, кто-то стоял на второй линии и тягал «рыб» в количестве.

– Четыре «рыбы», из которых тебе досталось две, подумать только, – Ит зевнул. – Ладно, к черту это все. Давай ложиться, пока сирены нет.

* * *

Можно ли жить вчетвером в комнате площадью около шести метров?

Как выяснилось, очень даже можно.

Только мыться приходится по очереди и спать на полу.

– Ну, тесно. Зато жестко, – пожал плечами Скрипач, когда они осваивали новое жилище. – И узко, – добавил он, пиная свой рюкзак, стоящий на полу. – Фэб, верни верхние полки. Хоть вещи сложим.

– И правда, – согласился Фэб. – Кир, давай повыше их поднимем...

Больше всего помещение напоминало купе в поезде дальнего следования – четыре узенькие кровати-полки по стенам и проход между ними. Этот же проход можно было преобразовать во что-то типа мелкой ванной, но мыться в этой ванне было некогда, и пользовались ей лишь изредка. Цвет стен можно было менять, как хочешь, а кровати легко трансформировались в рабочие зоны или в кресла.

Посмотрев на это дело, Кир предложил кровати убрать, а спать всем вместе на полу. Сначала его не поддержали, но на следующий день Скрипач, которому спать «на полочке» одному категорически не понравилось, решил, что скъ`хара не так уж и неправ, и следующую ночь они спали уже вместе, сделав пол помягче. Фэб и Кир легли по краям, а Ита и Скрипача загнали в середину.

– Нормально, – одобрил утром Скрипач. – Главное, руки друг другу случайно не отдавить, если вскакивать придется среди ночи. И ноги.

– И головы, – покивал Кир. – А вообще и впрямь нормально. Метр восемьдесят ширина; мы, мягко говоря, не жиртресты... рыжий, правда, пинается, но когда он не пинался.

* * *

Внешнюю стену комнатухи можно было преобразовывать – например, сейчас это было прозрачное окно от пола до потолка, за которым смутно виднелось ночное озеро и слабый отсвет лунного света в тяжелых низких тучах. Ит доел свой рацион, сунул пустую коробочку в маленький настенный утилизатор. Скрипач лежал на своем месте, сунув себе под голову две подушки – свою и кировскую – и что-то читал с визуала, как Ит понял, какие-то местные новости.

– Интересно, долго они там бегать собираются? – спросил Ит, имея в виду Кира и Фэба.

– А черт их знает, – пожал плечами Скрипач. – Ложись спать. Если я правильно Илью понял, сегодня ночь будет спокойная. Последний бой кончился, мы отработали, «сфинксы» отработали, сейчас там чистильщики. Новые десанты пойдут только через двенадцать часов. А это значит...

– Это значит, что у нас часов пятнадцать свободных, – обрадовался Ит. – А то и больше. Слушай, давай утром смотаемся на берег, – предложил он. – Я пока шел, кое-что интересное там почувствовал.

- Илья не выпустит, – покачал головой Скрипач.
- Почему? Расстояние – четыре километра отсюда. Всего лишь.
- Что там? – Скрипач, наконец, убрал визуал и повернулся к Иту.
- Нехорошее что-то, – Ит нахмурился. – По ощущению – тела в земле. Старые. Очень старые. И очень много.
- Хочешь поисковиков на них навести?
- Почему нет? – вопросом же ответил Ит. – Знаешь, после того, что с нами было, я стал к чужой смерти как-то иначе относиться... – он задумался, подбирая слова. – Убить – всегда просто. Проще всего. А вот все остальное – сложно. Спасти, вылечить – сложно. Проводить достойно – тоже. И если есть возможность хоть как-то поспособствовать...
- В общем, ты предлагаешь для начала самим покопать, чтобы было за что зацепиться, а потом навести на это место тех, кто тут этим занимается. Вот только, родной, смею тебе напомнить, что наводятся точно так же и черные копатели. И совсем не факт, что у нас с тобой будет время их шугать. Если официалка и свободные снова запустят веселье на пару недель, ты рискуешь потом на этом месте найти кучу ям и разбросанных костей...
- Там не кости, говорю тебе. Там тела. Мумифицированные. Торфяник.
- Тогда это еще хуже, – ощерился Скрипач. – Давай до весны отложим?
- Ну... – Ит задумался. – Может, ты и прав. Вот только почему ты решил, что весной что-то изменится?
- Я не решил, что оно изменится. Я теперь вообще не знаю, способно ли оно измениться в принципе.

* * *

Стоит, пожалуй, вернуться в тот весенний день два с лишним года назад; в день, который разом и кардинально изменил жизнь семьи; в день, когда все поняли – сказка, которую они создавали последние годы, кончилась. Точнее, эту сказку одним ударом разрушили те, которые в сказки не верят, а верят в лишь в раздутое непомерно рацио. И в собственную неоспоримую правоту.

В день, когда они узнали, что на Землю-п пришла Официальная служба.

Утром позвонил Ри и звенящим от напряжения голосом приказал, чтобы они все немедленно приезжали в Питер. Да, с кошками. Да, срочно. Возьмите вещи, что может понадобиться, и давайте сюда. Да, все! Все, Фэб, черт бы тебя побрал, значит – все!!! И плевать, что ребята с дежурства! В поезде поспят, не развалятся. Нет, я не могу сказать, что случилось. Да, случилось. Нет, с нами. Точнее, со всеми нами. С вами тоже. Фэб, проклятье, берите билеты, и срочно сюда!!!

...Билеты взяли непомерно дорогие, на скоростной поезд «Беркут», и всю дорогу гадали, что же такое могло произойти, что так напугало Ри, зачем вся эта спешка? Сойдя с поезда, тут же чуть не бегом рванули к метро – скорее, скорее! Через светлый питерский вечер (вот-вот начнутся белые ночи), через знакомые дворы, через вечернюю сутолоку спешащих по домам людей... Фэб с двумя переносками, в которых мяукают сбитые с толку кошки, Кир с дорожными сумками, своей и Бертиной; Берта с маленьким рюкзачком за спиной; Скрипач с рюкзаком побольше; Ит, не успевший после работы даже переодеться – так торопился, что ветровку надел прямо на форменную светло-зеленую рубашку...

Знакомый подъезд, в котором вечно сломан домофон, старинная лестница, кованый узор из цветов и листьев; первый этаж, второй, третий; дверь, обитая черным кожаном, бардовая кнопочка звонка, торопливые шаги – слава богу, Джессика, все с тобой в порядке, но что случилось?... Сейчас поймете. Не разувайтесь, проходите так, ребята, не до тонкостей сейчас...

Полутемный коридор, приоткрытая дверь гостиной.

И – знакомый голос. Голос, от которого темнеет в глазах и сжимаются сами собой кулаки; голос, обладателя которого хочется немедленно убить на месте.

– Спокойно, – произносит Джессика, загоразивая им дорогу. – Ребята, спокойно.

– Джесс... – начинает Скрипач, но Джессика останавливает его взмахом руки.

– Там шесть боевиков, рыжий. Пожалуйста, не надо. Это бесполезно. Боюсь, теперь уже все бесполезно...

* * *

...Сколько лет до этого они думали об этой встрече. Сколько раз все они, все, без исключения, говорили одно и то же: если увижу, убью. За все. За восемьдесят лет плена, за издевательства над дочерью и ее семьей, за подлость, за грязь, за потерянные и с таким трудом возвращенные жизни. Этот человек, сейчас сидящий в кресле, положив ногу на ногу, был в какой-то степени олицетворением их общего кошмара, из которого удалось выбраться с большим трудом, большой кровью и муками.

Нет, не так представляли они себе эту встречу, совсем не так.

Огден окинул вошедших спокойным и цепким взглядом. На его лице не читалось никаких эмоций. Разве что легкое любопытство экспериментатора, с удивлением обнаружившего, что забытая на неделю в клетке в лаборатории мышь почему-то не сдохла.

– О, а вот и пополнение, – констатировал он. – Ну надо же, действительно... Кир Гревис, на вашем месте я бы не стал этого делать, – он предупредительно поднял руку. – Или вам настолько сильно понравилось на том свете, что вы хотите повторения?

Он мог бы этого не говорить – в Кира с одной стороны вцепился мертвой хваткой Скрипач, а с другой – Фэб и Ри.

Ит сделал шаг вперед – шестеро боевиков, стоявших по сторонам от кресла, синхронно повторили его движение.

– Что вам нужно? – Из голоса, казалось, исчез сам голос. Горло разом пересохло.

– Хороший вопрос, – одобрил Огден. – Ит Соградо во время работы агентом в Официальной службе всегда был специалистам по хорошим вопросам. Для начала сядьте. Ри, у вас найдутся стулья для этой компании?

– Да, – Ри, наконец, отпустил руку Кира. – Ребята, давайте со мной на кухню, надо табуретки принести.

* * *

Кошек они так и не выпустили, обе переноски стояли сейчас в ногах у Берты, которая то и дело шикала то на кошек, то на Джея, который, кажется, вознамерился добыть друзей из упаковки во что бы то ни стало. Прекрасно зная, что зверье, получив свободу, тут же затеет возню, Берта пока что удерживала собаку, но Джей чем дальше, тем больше волновался, а Тима с Фишкой мяукали все громче.

– Ольшанская, уберите отсюда этот зверинец, – приказал Огден.

– Куда? – неприязненно поинтересовалась Берта.

– Меня это не касается. Итак, вся семейка в сборе и бунтовать, кажется, больше не намерена, – Огден сел поудобнее. – Прекрасно. Ри, вы поставите их в известность сами или мне повторить то, что было сказано вам?

– Поставлю. Народ, они берут этот мир в эксперимент, – начал Ри. – Точнее, они очень хотят взять этот мир в очередной эксперимент, но тут им, как выяснилось, немножко мешают. Кто – вы догадаетесь сами, я думаю.

Скрипач медленно кивнул.

– Не уважаемым мною Огденом, заместителем главы кластера, мне было предложено следующее. Вариант первый – мы поступаем в распоряжение Официальной службы...

– Огден, а у вас ничего не слипнется? – тактично поинтересовался Скрипач, но Огден его пикировку проигнорировал.

– Второй – мы убираемся с планеты, но не туда, куда хотим сами, а туда, куда, опять же, будет приказано службой...

Все молчали.

– И третий – в случае отказа нас... ну, думаю, можно не продолжать. Устранят.

– Да ну, – тут же поднял голову Ит. – На каком основании, разрешите узнать?

– Вы не имеете права тут находиться. Мир на карантине.

– Как же вы любите карантин, – поморщился Кир. – На Соде – карантин, на Апрее – карантин. Теперь и тут карантин. Что, посторонние глазки мешают?

– Ручки, – улыбнулся Огден. – В этот раз вы нас не проведете, сделать такой финт, как на Соде, у вас уже не получится. Отправляя вас туда, мы не принимали в расчет Контроль... как оказалось, преждевременно. Где вы взяли этот катер, кстати? Я не успел вас спросить, Ри.

– Где взяли, туда и вернули, – спокойно ответил Ри. – Огден, мы никуда не уйдем. Ваши действия незаконны, и...

– И где вы будете доказывать незаконность наших действий? – засмеялся Огден. – В конклаве, которому принадлежит ваш ненаглядный Окист? Ри, это даже не смешно. Этот мир не имеет к конклаву никакого отношения, он вне его юрисдикции. И вы тоже. Официальная служба намерена провести тут свою операцию, мы пришли сюда первыми, а это подразумевает...

– А как вам финт на Апрее? – перебил его Скрипач. – Понравилось?

– За финт на Апрее мы можем сказать вам большое спасибо, – повернулся к нему Огден. – Вы нам очень помогли. Эта тварь, знаете ли, была большим затруднением при работе с системой, и теперь... словом, теперь мир подконтролен уже нам. Так гораздо удобнее.

– Только вот воспользоваться порталом вы не сумеете, – с удовольствием заметил Ри. – Портал заблокирован. Контролем.

– Как заблокировали, так и разблокируют, вопрос времени, – махнул рукой Огден. – Найдем. Мы и не таких находили, когда возникала потребность.

Это «найдем» резануло хуже, чем вся предыдущая пакость. Ита передернуло.

– Угрожаете? – напрямую спросил он. – Не надоело?

– Очень примитивно, – поморщился Огден. – Зачем мне угрожать? Я информирую. Вы нас в каком-то смысле интересуете. Не так, чтобы очень, но – вы можете пригодиться.

– В качестве резонансных двойников порталов? – тихо поинтересовался доселе молчавший Фэб.

– Именно, именно, – покивал Огден. – На счет вас не скажу, а вот они нам на прошлом этапе были интересны, очень. Я искренне не хочу вас убивать, не подумайте, – он поднял руки. – Просто если вы не согласитесь на наши условия, мне придется отдать такое распоряжение. Поверьте, за исполнителями дело не станет.

– Охотно верим, – Ит на секунду прикрыл глаза. – Ри, твои соображения?

– Есть еще один вариант, – Ри тряхнул головой. – О котором неуважаемый Огден сейчас тактично промолчал.

– Какой? – требовательно спросил Кир.

– Найм. Знаете что, Огден, давайте-ка вы расскажете им всю правду, а не только ту часть, в которой вы пугаете и угрожаете, – Ри потягиваясь взглядом окинул притихшую компанию. – И, Бертик... выпусти ты этих страдальцев на волю, сколько можно измываться над животными.

* * *

На Землю-п пришла, как выяснилось через полчаса, не только Официальная служба.

За последние десять лет сопротивление, участников которого чаще всего называли Свободными, выросло на порядок, и благодаря присутствию в нем Контролирующих уже могло противостоять Официальной. Конечно, не везде. Конечно, не всегда. Но если десять лет назад Свободных было около миллиарда, сейчас это число выросло до десяти миллиардов. А вместе с сочувствующими – до двадцати. А то и больше.

Земля-п оказалась, как все поняли, первым миром, в котором Официальная и Свободные сходились в открытом длительном конфликте. То есть тогда, два года назад, было еще не совсем понятно, длительный он или же нет, но сейчас, по прошествии времени, все поняли – длительный. И еще какой.

Земля-п, несущая на себе осколок Русского Сонма, была, разумеется, одной из «линз», бесчисленных фрагментов голограммы, дублирующих Изначальный мир – по крайней мере, в документах Официальной службы это было записано именно так. На Земле-п полгода назад были обнаружены четыре экстерриториальных портала...

– И какие функции у этих порталов? – тут же поинтересовалась Берта.

– Мы пока что не знаем, – пожал плечами Огден. – Но что это порталы – не подлежит никакому сомнению. Собственно, это пока что неважно. Для того чтобы определить функции, нужно обнаружить два недостающих...

– Привет моим работам, – криво усмехнулась Берта.

– Уже не вашим, – парировал Огден. – Так вот, для того, чтобы понять функции, нужно для начала провести серию экспериментов во всех шести порталах одновременно.

– Ну вы даете, – ухмыльнулся Ри. – То, что мир вообще-то не пустой, для вас значения уже не имеет?

– Имеет, – тут же возразил Огден. – С миром ничего не случится, уж поверьте.

– Не верю, – отмахнулся Ри. – После всего, что вы сделали, – никогда в жизни я вам не поверю! И никто из нас...

– Оставьте вашу дешевую патетику, – поморщился Огден. – Так вот, собственно. Поскольку действия планируются масштабные, их будет обязан отслеживать сторонний наблюдатель.

– И кто же решился на такое? – прищурился Скрипач.

– О, вы с ними отлично знакомы. Это конклав Санкт-Рена, хорошо вам известный. Они... сотрудничают с нами. По крайней мере, на данном этапе.

– Санкт-Рена никогда не воевала, не лгите, – резко сказал Ит. – Они – и вдруг наблюдатели? Сами?... С чего бы?

– А можно я угадаю? – Фэб вздохнул. – Вы чем-то шантажировали конклав, верно? Ее Величество никогда бы не согласилась на подобное добровольно.

– Зачем же так грубо? – Огден безмятежно улыбнулся. – Мы просто предложили Санкт-Рене альтернативу. Либо она выступает... ммм... союзником, либо... лишается основных межпланетарных торговых потоков, потому что Транспортная сеть прекращает с ней сотрудничество. Ее Величество – женщина умная и дальновидная. Это гораздо выгоднее. Не так много от них и требуется, собственно. Обеспечение операции, транспорт, медики, чистка; создание темпоральных капсул, чтобы никто не вмешался и ничего не понял, ну и контроль законности действий обеих сторон, разумеется. Очень хорошая сделка, поверьте мне.

– Хорошо вы сократили расходы, – хмыкнул Кир. – Что, у официалки стало плоховато с деньгами?

– Нет, не стало, – покачал головой Огден. – Что же до сокращения расходов... Кир Гревис, расходы на эту операцию и прекращение взаимодействия миров конклава – несопоставимые цифры. То, что они нам дают, – это же чистые слезы, говорить не о чем! Для Санкт-Рены два десятка стационарных кораблей и сотня сапортов – это ничто.

– Два десятка кораблей? – медленно повторил Ит. – Что же вы тут собираетесь затеять, Огден?

– Очень надеюсь, что моя затея удастся, – серьезно ответил тот. – И если она удастся, то исчезнет та досадная помеха, которая стоит сейчас у нас на пути.

– Ах ты мразь, – беззвучно произнес Кир. – Очень надеюсь, что помеха тебе еще покажет, кто у кого на пути стоит...

– В общем, оставим лирику, – Огден решительно выпрямился. – Есть еще один вариант для вашей душещипательной семейки. Санкт-Рена практически всегда проводит найм временных сотрудников. Попробуйте устроиться, даю вам сутки. Из системы мы вас, конечно, не выпустим, но... вы ведь и не хотели из нее уходить, не так ли?

Все молчали.

– В общем, даю вам фору, – Огден решительно поднялся. – Я, правда, слабо себе представляю, в каком качестве вы бы могли с ними сотрудничать.

* * *

С представителями конклава связались через «Ветер», благо что корабль никто не тронул. Флот Санкт-Рены в систему пока что не зашел (если бы зашел, «Ветер» бы тут же поднял тревогу и сообщил о чужаках), поэтому поступило предложение – посетить один из кораблей, если это возможно.

– Боюсь, что не получится, – тут же ответил Ри. – Нам запретили покидать планету.

– В таком случае к вам через двенадцать часов прибудет наш представитель. Ри Нар ки Торк, я думаю, что вы будете рады видеть этого представителя.

...Скрипач потом признался, что эти двенадцать часов были, пожалуй, самой большой нервотрепкой за последние десять лет. Они не знали, куда себя деть. Не спали ночь (даже Ромка, и тот приходил к матери с отцом несколько раз, недоуменно спрашивая, что случилось и почему у них горит свет), утром вместо нормального завтрака обошлись, по словам Кира, каким-то «подножным кормом», потом Джессика с Бертой, кое-как собравшись, отправились с детьми в зоопарк (выяснилось, что Джессика обещала этот поход Ромке и Насте еще в четверг), потом просто тупо сидели, кто где, и ждали.

И дождались.

– ...я отлично помню храбрых мальчишек, которые в тот раз совершили практически невозможное. – Королева сидела на кухне, на табуреточке, и задумчиво смотрела на Ри поверх чашки с чаем. – Да, мы тогда разминулись с вами, и вы меня не знаете. Но я вас знаю хорошо. Даже следила какое-то время. Как причудливы порой бывают пути, что земные, что небесные, – она усмехнулась. – Удивительная встреча.

– Ваше Величество, мы благодарны вам за визит и участие, – Ри склонил голову, остальные последовали его примеру. – Но... боюсь, что общая ситуация...

– О ситуации я осведомлена гораздо лучше, чем вам кажется. – Королева наконец поставила чашку на стол. Встала, подошла к аквариуму, который не так давно завел Ромка, и постучала пальцем по стеклу – несколько самых проворных гуппий тут же подплыли поближе в напрасной надежде, что их сейчас покормят. – И я подозреваю, что мы... сейчас подходим к одинаковым выводам с разных сторон.

Джессика задумчиво смотрела на нее. Королева? Эта сухопарая женщина среднего роста королевой не выглядела. Совсем. Спокойный цепкий взгляд, абсолютно нечитаемый возраст,

прямая спина, светлые волосы забраны в гладкую прическу. Если не всматриваться – самая обычная женщина, коих в любой толпе – тысячи тысяч. Но в то же время... если присмотреться... да, и впрямь, что-то в ней было. Неуловимое, но особенное. Не властность, нет. Что-то другое.

– В Санкт-Рене почти четверть миров содержат в себе осколки Сонма. Это очень большой процент, – королева повернулась к ним. – Я несу ответственность за эти миры и за их жителей. Происходит что-то страшное, я ощущаю угрозу, с которой ничего не могу поделать. Пока что – не могу. Но я знаю, что должна буду любым путем обеспечить им защиту. Официальная уже сейчас вторгается в любой мир без предупреждения, Карающий молот не отстает, а мы совершенно бессильны перед этой угрозой.

– На территории конклава есть миры, в которых обнаружены порталы... примерно такие же, как здесь? – напрямую спросила Берта.

– Нет, – ответила королева. – Пока что нет. Подозреваю, что это дело времени. Самое плохое то, что мы не умеем определять эти порталы самостоятельно. Если бы это было возможно, мы бы изолировали такие миры.

– Как? – тут же спросил Ри.

– Уводили бы. Или в темпоральные капсулы, или в смежное пространство... у нас есть возможности.

– Официальная не даст вам этого сделать, – отрицательно покачал головой Ит. – Как только вы уведете таким образом первый мир, они тут же отрубят конклаву Транспортную сеть.

– Верно, – кивнула королева. – Ит, поверьте, мы бы нашли выход.

– Мы не можем дать вам методику обнаружения, – Ри опустил голову. – Сейчас – точно не можем. Если мы это сделаем, нас...

– Вас убьют, как только я вас покину, – кивнула она.

– Но она никогда не была секретной! – возмутилась Берта. – Я не закрывала свои работы, и...

– Твои работы закрывала не ты, – возразил Скрипач. – Думаешь, нас просто так мариновали на Терре-ноль столько времени? Я больше чем уверен, что засекретили все, что мы делали. Последние этапы – точно.

– Черт-те что... простите, Ваше Величество, – пробормотал Кир. – Ладно. С этим ясно, что ничего не ясно. В общем, если мы можем чем-то пригодиться, то постараемся. По мере сил.

– Спасибо, – она слабо улыбнулась. – Итак, перейдем к найму. Для начала я бы хотела выслушать вас.

– Мы не знаем, – тут же ответил Ри. – Собственно, мы можем не так уж и много. Я, если вы помните, был в свое время неплохим пилотом. Сейчас – у нас есть корабль, который вполне можно использовать для перевозок внутри системы.

– Малая яхта? – королева прищурилась.

– Да нет, кое-что поинтереснее, – Ри улыбнулся. – Если мерить общими мерками, то это несерийный боевой сапорт. Машина умеет гораздо больше, чем может показаться на первый взгляд, но сейчас... скажем так, корабль сумел сохранить анонимность. Также со мной работают два Мастера проходов, поэтому сделать, например, Вицама-Отгое в пределах системы для нас большого труда не составит. Очень надеюсь, что это может оказаться вам полезным.

– Хорошо, рассмотрим этот вариант. А вы? – королева повернулась к Фэбу. Тот нахмурился.

– Ситуация обстоит следующим образом. Я врач. С высоким подтвержденным статусом. Общий стаж, с учетом до-смертного, составляет четыреста восемь лет. Боевой стаж на экстренной – сто шесть лет чистого времени.

– Отлично, врачи нам всегда нужны, – покивала королева. – Продолжайте.

– Они, – Фэб мотнул головой в сторону Кира, Ита и Скрипача, – сейчас учатся. Тоже медицина.

– Срок?

– Двенадцать с половиной лет.

– Мало, – покачала головой королева. – Даже на вспомогательную вторую линию наши госпитали принимают с общим стажем от двадцати лет и выше.

– У вас не существует учебных программ, в которые они могли бы войти? – Фэб задумался. – Оплата, как вы понимаете, нас не очень волнует.

– Понимаю. Так, – она задумалась, потерла мизинцем висок. – Есть одна программа, но проблема в том, что я не уверена, что вас примут. Дело в том, что комплектацией персонала госпиталей занимаются исключительно образом их главные врачи, и тут даже ходатайство королевы бесполезно. Мобильных госпиталей здесь будет работать восемь. Я предлагаю не терять времени и обратиться к главным прямо сейчас. Шанс небольшой, но почему бы им не воспользоваться?

– А если не получится? – с тревогой спросил Ит.

– Мы что-нибудь придумаем, – успокоила королева. – В конце концов, на кораблях всегда нужны техники.

* * *

Получилось.

Не с первой попытки, но получилось. И довольно удачно, потому что будущая работа базировалась на территории России, а это уже было немало.

Первый госпиталь забраковали сразу – в такой коллектив никто из них при всем желании вписаться бы не сумел. В госпитале работали исключительно луури и нэгаши, так что рауф там явно было нечего делать. Второй госпиталь отказал сам – он был укомплектован полностью. После этого отказа все расстроились, уж очень удачно базировался этот госпиталь... точнее, два госпиталя, основной и вспомогательный. Немногим дальше ста километров от Москвы, и если бы этот госпиталь взял, можно было бы чаще бывать дома. Третий вариант сначала вроде бы принял кандидатов к рассмотрению, но через полчаса на связь вышел главный врач и объявил: нет, не подходите, мы не ведем сейчас учебную программу; можем взять только старшего врача, на половинный оклад во время испытательного срока. Фэб, разумеется, тут же отказался сам.

– Попробуйте обратиться к Илье, – посоветовал главный врач. – У него вечно некомплект, может быть, он примет.

– А почему – вечно? – с интересом спросил Фэб.

– Потому что он сволочь, – спокойно ответил врач. – Мерзавец. С ним очень сложно работать, от него все бегут. Но если у вас, как вы говорите, обстоятельства, то вам на первое время вполне сойдет Илья.

– Где базируется? – тут же спросил Кир.

– Они идут к нам на вспомогательные, – пояснил врач. – Мы будем работать... так... Финский залив, а они встанут... видимо, на озеро Лубенское.

– Это не очень далеко от Питера, – Ри уже открыл карту. – Ребята, пробуйте. Неплохой вариант.

– А мы? – спросила требовательно Берта.

– А вы, видимо, будете работать в городе. Потом поговорим, – попросил Ри. – Джесс, пожалуйста.

Через неделю они уехали.

И началось то... что началось.

То, в чем они в результате жили уже третий год.

* * *

– Знаешь, я подумал... – Ит лег на свое место, положил руки под голову. – Смешно получается, правда?

– Что смешно? – не понял Скрипач.

– Обстоятельства. До чего же наивно считать, что от нас в этой жизни вообще хоть что-то зависит.

– Глупости не говори, – Скрипач вытащил из-под головы подушку Кира, положил рядом со своей. Лег на бок, натянул повыше тонкое одеяло. Со вкусом зевнул. – От нас много что зависит. Не выдумывай.

– Я не выдумываю. Мы ведь не по своей воле оказались здесь.

– По своей, Ит. И только по своей.

– Да нет же!..

– Слушай, давай утром поспорим, а? – попросил Скрипач. – Я спать хочу. Очень. Все, доброй дороги.

03. Озеро Лубенское. Госпиталь «Вереск». Анонимная война

Портал, находящийся во втором слое темпоральной капсулы и являвшийся в данный момент боевой площадкой, располагался в двух километрах от «Вереска». Без включения дополнительного прохода подойти к нему не представлялось возможным. Собственно, никто не горел особым желанием попасть туда. Там, на четырех квадратных километрах, шел практически непрерывный бой – который Кир, конечно, тут же назвал мясорубкой. Он сам, бывший боевик, был в шоке, когда их первый раз взяли на часовой сбор. Такого, по его словам, он в жизни не видел.

Война шла по расписанию.

Методично, неторопливо, выверенно.

Она напоминала партию в какой-то жуткой игре, и партии этой не было ни конца, ни края.

Сначала с обеих сторон высаживались два десанта. Всегда равным числом, всегда в одно и то же время – за этим следила Санкт-Рена. Затем начиналось то, ради чего эти десанты туда попадали: темпоральная капсула закрывалась, транспортные корабли уходили, и на четыре часа портал пропадал из реальности полностью. Затем капсулу открывали, и наблюдатели Санкт-Рены выносили вердикт – сегодня портал принадлежит тем-то и тем-то. После этого начиналась «адова каша» – в портал спешно шли ученые временно победившей стороны, одновременно с ними заходили транспортный корабль и врачи – собирать уцелевших и раненых. Оставшиеся в живых боевики и наймиты уходили на корабле, врачи вывозили тех, кому, пусть и в теории, можно было бы попробовать помочь, а затем в портал приходили чистильщики – из портала изымалось все, что там оказалось лишнее. По крайней мере, крупное. Трупы, оружие... Если бы не чистильщики, портал уже через неделю «войны» превратился бы в склад тел и обломков.

Главной задачей, как все чуть позже поняли, было захватить контроль над всеми порталами одновременно, вот только перевес сил постоянно менялся, и если, например, Официальная неделю удерживала три портала, Свободные стягивали лучшие силы на последний... а потом, глядишь, отбивали еще один, и еще. Дело грозило затянуться до бесконечности, тем более что два портала, по слухам, до сих пор не были обнаружены.

* * *

Воюющие стороны предпочитали сохранять анонимность.

Темпоральная капсула очень этой анонимности способствовала.

Портал сейчас был выведен на одну миллионную долю секунды в будущее и в настоящей реальности Земли-п просто не существовал. То есть там существовало то, что должно было существовать – обычный участок леса, болотистый берег озера... Как получилось, что непосредственно сам портал оказался перемещен, понять мог разве что Ри, но факт оставался фактом: на физическом плане в настоящей реальности портала не было. Чуть позже Ри объяснил: для специалистов Санкт-Рены такие капсулы – на пределе технических возможностей. Что-то более масштабное могут делать только Эрсай и иже с ними. Например, печально известная Маданга, уведенная в темпоральную капсулу вместе со всей системой. На подобное способны только над-структуры, обычная техногенная цивилизация настолько глобальные вещи делать не может, потому что это повлечет за собой непоправимые последствия.

– Ну да, ну да, рано или поздно все доходит до понимания, что эти вещи возможны, – соглашался Ри. – А еще через очень короткий временной промежуток до них доходит, что не

все так просто, как хотелось бы. Чтобы такие сдвиги не дестабилизировали структуру, нужно уметь не только воздействовать на объект, но и вводить замещающий вектор, и вот тут-то и начинаются настоящие сложности...

Настоящих сложностей, впрочем, им всем и так хватало.

Ри в компании Тринадцатого и Брида мотался между Землей-п и двумя кораблями Санкт-Рены – один корабль работал перевалочной базой для наймитов обеих воюющих сторон, второй был госпитальным. Дело оказалось поставлено на широкую ногу: неподалеку от флота, стоящего на границе системы, Ри обнаружил четыре открытых портала Сети Ойтмана – и это неприятно поразило его. Тринадцатый и Брид, посоветовавшись, сказали, что порталы явно заказные, а это было уже совсем плохо – значит, операция планировалась серьезная и долгая.

«Ветер» вскоре пришлось переоборудовать – для перевозки боевых отрядов он был маловат, а вот госпитальеры работали с «Ветром» более чем охотно – Ри пилотировал замечательно, Мотыльки отрабатывали проходы сказочно быстро, а от скорости зачастую зависела жизнь тех, кто оказывался на борту. После нескольких особо удачных забросов госпитали независимо друг от друга начали заказывать именно «Ветер», и Ри с ног сбивался, чтобы успеть (хотя бы попробовать) отработать всех, кому был нужен.

В госпитале «Вереск», принявшем на работу Фэба, Кира, Ита и Скрипача, дело пусть и не быстро, но тоже потихонечку пошло на лад. Не сразу, конечно, – первые месяцы дались тяжело, но потом все втянулось в рабочий ритм, и жизнь стала приобретать более или менее ясные очертания. Илья, главный врач госпиталя, на поверку оказался не таким уж монстром, каким его рисовал главный «Сфинксов». Он...

– Тяжелый человек, – констатировал Фэб после первого знакомства. – Я хорошо знаю этот тип. Очень тяжелый человек и очень принципиальный. С ним будет трудно. Такие не умеют прощать огрехи и подлость никому. И если что-то не по ним, говорят об этом тут же, не думая о последствиях. Трудно с таким сходитьсь, но если получится, то, поверьте, лучшего друга и пожелать нельзя. К сожалению, мы ему скорее всего не понравимся. Один шанс на тысячу, что мы сумеем его хоть чем-то заинтересовать.

Что такое Илья, все поняли во время начального инструктажа, после того как транспортный корабль забросил госпиталь и персонал в первый слой капсулы и ушел. Для начала Илья собрал всех в большом шлюзе первого круга и прочитал коротенькую речь, суть которой сводилась к одному – если кто-то сделает что-то не так, этот кто-то будет прибит на месте, а после этого контракт с ним расторгнут, и «пусть валит на все четыре стороны».

Дальше последовал спич о том, что можно, а что нельзя.

– Отпуск – сутки в месяц. Можно отдохнуть тут, можно отправиться в город. В городе правила стандартные. Полное соблюдение законов миров пребывания, никакого алкоголя, никаких баб, никаких случайных знакомств. Кого пропрет, использовать симуляторы. Виталий, тебя это прежде всего касается, ты понял? Далее. В первую голову это относится к тем, кто не из Сонма и у кого достаточно высокий уровень выхода. От пятого-шестого. Никаких фокусов и демонстраций превосходства! Саиш, в прошлый раз ты поразил местных, заставив летать кувшин с вином в белом мире первого уровня. Очень мудрым решением было прихреначить ему на доньшко антиграв, а потом запустить в воздух. Ты действительно поразил, а больше всех ты поразил меня. Тебе напомнить, что от удивления я уменьшил тебе зарплату вдвое? Ты не Безумный Бард, чтобы устраивать шоу. Ты хирург. Обычный хирург, и не больше. Так. Теперь по не-людям. Дорогие рауф, если я увижу у кого-то или «синьку», или что-то подобное... думаю, вы догадаетесь, чем все кончится. Не увижу? Вы... Соградо, да? Чего это у вас глаза стали такие большие? И нечего возмущаться. Все возмущаются. А потом начинаются оправдания, что устали, что нервы, что голова кругом. Насчет отпуска. Олле, Зарзи, Гревис, Соградо. Если вам приспичит тоже прогуляться в город, вы можете использовать личины. Как работать с методикой – покажу.

– Спасибо, мы знаем, – Скрипач усмехнулся, – мы раньше работали...

Фэб вовремя наступил ему на ногу, и Скрипач смолк.

– Если умеете, хорошо. Угу, теперь дальше. Режим работы я пока что не знаю, но учтите – во время объявленного боя территорию госпиталя не покидает никто.

– Раньше такого правила не было, – недоуменно заметил Виталий – высокий широкоплечий мужчина с темными волосами. Ит украдкой глянул на него: ну надо же, щеголь какой. Темно-бирюзовый костюм интересного покроя, а вещи упакованы в красивые кейсы, явно сделанные на заказ – удачная имитация кожи, углы украшены алым светящимся узором, имитирующим языки пламени. – Почему так?

– Потому что операции бывают разные, – отрезал Илья. – Здесь – нельзя. Еще вопросы?

– Мы на сборы выходить будем? – спросил из угла чей-то робкий голос.

– Будем, Олле, – усмехнулся Илья. – Согласно расписанию. Которого еще нет.

Ит и Скрипач повернулись на голос. Надо же, гермо. Даже два гермо – причем один из них, как раз тот, который говорил, был настолько огненно-рыжим, что Скрипач с завистью покачал головой.

– Вот это хайр, – с восторгом прошептал он. – Да от него прикуривать можно...

– Я тебе прикурю, – прошептал в ответ Ит. – Только-только на работу устроились. Хочешь сразу вылететь?

– Да ладно тебе, я же пошутил.

– Оба модификата, и оба... Эн-Къера и Гревис, да? Вы семейные?

Фэб кивнул.

– Тогда все упрощается. Берете одну комнату на всех, дальше договоритесь, думаю.

– Про что? – не подумав, ляпнул Кир и тут же поплатился.

– Если у вас останутся силы на личную жизнь, координируйте расписание самостоятельно, – пожал плечами Илья. – На чем я... Кому небезразлична физическая форма – побегать можно по верхней части базы, там есть дорожка, для бега вполне подходит. По краю, разумеется. Поскольку мы встали на озеро, ванны в комнатах разрешаю опускать в озерную воду, но если кто-то не поставит фильтрацию, а после такой ванны не пройдет дополнительно обработку, будет виноват сам. Судя по тестам, вода неплохая.

– Это хорошо, – одобрил какой-то человек, сидящий на полу рядом с Илей. – Не все, знаешь, любят душ.

– Знаю. Собственно, все. Отдельно беседовать буду вызывать каждого по мере необходимости, а пока что все свободны.

* * *

Ита, Скрипача, Кира и Фэба Илья вызвал к себе под вечер того же дня. Он, как руководитель, занимал отдельную комнатку – впрочем, точно такую же крошечную. Верхние «полки» Илья убрал, нижние оставил. Судя по всему, на одной он планировал спать, а вторую использовать как кресло.

– Так, – он задумчивым взглядом окинул вошедших, поморщился. – Одни проблемы с вами будут, как я погляжу. Хорошее начало, нечего сказать!

– О чем вы? – удивился Фэб. Скрипач с Итом недоуменно переглянулись, Кир пожал плечами.

– Ах, о чем я? Да я вот про это, – воздух мигнул, и перед каждым повис визуал.

С полным досье Ита и Скрипача за время работы агентами в Официальной службе.

Со всей выслугой.

Со всей летописью.

И со всеми медицинскими заключениями...

– Вы поиздеваться надо мной решили? – вкрадчиво спросил Илья, и у Ита от этой вкрадчивости мурашки побежали по коже: очень давно и он, и Скрипач не слышали такого тона, да и не думали, что в этой жизни с ними будет кто-то вот так разговаривать. Причем имея на это полное моральное право. – Вы соображаете хоть что-то? Вы собираетесь полноценно работать – вот после этого?! – гаркнул он, увеличивая визуал до максимума. – Да вы вообще в своем уме?!

– Илья, не волнуйтесь, – попросил Фэб. – За последние пятнадцать лет все очень сильно изменилось. Эти данные, – он кивнул в сторону бесчисленных строчек на визуале, – не соответствуют реальному положению вещей. Мы... мы все согласны на любые тесты для того, чтобы это подтвердить. Поверьте, никаких проблем не будет.

– Мы совершенно здоровы, – начал Скрипач.

– Тебя пока не спрашивали, – огрызнулся Илья. – Вел их ты? – он снова повернулся к Фэбу.

– Разумеется, – пожал плечами тот. – И я за них ручаюсь.

– Ну-ну, – с сомнением протянул Илья. – Хорошо... а теперь вы, двое. Только честно. После этой всей хрени – еще травмы были?

– Были, – ответил Ит. – Но меньше.

– Придурки, – констатировал Илья. – Мясо. Не наигрались, что ли?

– Не наигрались, – подтвердил Скрипач.

– Слова словами, а посмотрю я все-таки сам. Так, оба, во второй круг, четвертая операция. По очереди – под сканер. А мы отсюда полюбуемся.

Обошлось.

Ит потом не раз тихонько про себя радовался, что несколько лет до этого они отрабатывали новую тренировочную программу, которую составил Фэб. Что практически полностью бросили курить. Что пили что-то пару раз в год максимум. Что не давали себе расслабляться и закидать. Не делай они этого всего, неизвестно, чем бы этот найм кончился.

– Ну, так уж и быть, – Илья, кажется, немножко расслабился. – Не скажу, что все очень хорошо, но оно лучше, чем я думал. Агентскую программу небось до сих пор бегаєте? – поинтересовался он.

– Да, мы ее работаем, – Скрипач искоса глянул на Ита, ожидая одобрения, затем продолжил: – Не в прежнем объеме, конечно, но...

– Работают, работают, – успокоил Фэб. – У нас у всех хорошая форма, не сомневайтесь.

– Честно говоря, мне насрать. Мне нужно, чтобы вы трое-четверо суток в жестком режиме нормально выдерживали. И желательно, чтобы стимуляторы использовали по минимуму. Не потому, что мне стимуляторы жалко, а потому, что мозги без них работают все равно адекватнее, чем с ними. Ясно?

Все синхронно кивнули.

– Все, работнички. До завтра.

* * *

Теория, как известно, всегда сильно отличается от практики.

Порой настолько сильно, что становится непонятно, на кой черт столько времени было убито на теорию, когда практика – совсем другая.

Экстренная служба на Окисте, где они отработали три года; пять лет практики на «Скорой» тут, на Земле-п; еще два диплома, уже не местных, а подтвержденных на Окисте, «кластерных», полученные здесь же экстерном – один по экстренной помощи, второй по травме... все это было ничем.

Ровно ничем.

– Стойте на второй линии, на первую – ни шагу, – предупредил Фэб. – Просто стойте и смотрите. В этот раз вы ничего не делаете. К этому всему надо привыкнуть.

– К чему именно? – поинтересовался Кир. Ему уже надо было уходить, сегодня его ставил к себе Илья, посмотреть подготовку, но Кир все-таки выкроил минутку и забежал к своим пообщаться.

– Такого ты еще не видел, – Саиш хмыкнул.

– Я боевик. Бывший, но отработал до этого полторы сотни лет. Я много чего видел.

– Пф, – Саиш скривился. – Чего ты работал, детка? Мочил ящерок, людей и других котов? Ну-ну.

Кир напрягся, глаза его нехорошо сузились.

– Не стоит, – примирительно вздохнул Фэб. – Он сейчас прав.

– Конечно, я прав, – ухмыльнулся Саиш. – И ты пока что слабо просек, до какой степени. Все, иди к Илюхе. Пока он тебя не урыл на законном основании.

Бригады сейчас стояли в четырех приемных боксах – по четыре разумных в боксе. Илья объяснил, что госпиталь одномоментно может принять до восьми раненых, максимальное число – сорок, но не приведи Господи, чтобы их было сорок. Сейчас, судя по сигналу, принятому Илеей, к «Вереску» шли две машины. Это значит – четверо разумных.

– Вон они, – констатировал Саиш, глядя куда-то в сторону леса. Погода в тот день стояла прекрасная, солнечная; в этом году весна задержалась, но сейчас набирала обороты стремительно, и лес (до которого они пока что не успели добраться) стоял на далеком берегу нарядный, праздничный, и стволы далеких сосен словно светились неярким янтарным светом.

– Вижу, – кивнул Фэб. – Выводим первый. Ит, рыжий, биологичку в актив.

– Но...

– Я сказал, в актив.

Машина, которую первым заметил остроглазый Саиш, представляла собой (как показалось в первый момент Иту) некий гибрид, помесь мотоцикла и транспортной антигравитационной платформы с двумя длинными непрозрачными капсулами по обоим бокам. Пилотировал ее высокорослый нэгаши, одетый в полевую форму «Сфинксов» – облегающий ярко-желтый комбинезон с как минимум десятком предупреждающих знаков. Нэгаши выглядел нелепо, но если учесть, что работал он «в поле», эта несуразная форма становилась актуальной. «Я врач! – орала форма. – Меня нельзя трогать, не стреляй!»

– О, у них новые «стрелы», – с удивлением заметил Саиш. – Вот жлобье. А нам дали старые...

– Это машины? – поинтересовался Скрипач.

– Они самые. Шустрый какой, ты погляди... так, понеслась.

Машина подлетела к стене шлюза и мгновенно остановилась – сработали инерционные компенсаторы. Одна из капсул развернулась и через мгновение оказалась уже в шлюзе – Фэб тут же завел под нее малую антигравитационную платформу.

– «Рыба», 1/10, общее, броня! – крикнул нэгаши, и в ту же секунду машина рванула вдоль стены госпиталя к следующему шлюзу.

– Позер, – пробормотал Саиш. Фэб понимающе кивнул. – Поехали. Ребята, держитесь рядом.

...Если одно живое существо собирается убить другое, это самое другое начинает придумывать, как защититься от орудия убийства. И чем дальше в своем развитии заходит раса, чем изощреннее и заумнее становится то, что живое существо изобретает в тщетной попытке убить и при этом не оказаться убитым самому. Почти все начинают с примитивных лат и щитов, потом латы и щиты превращаются во что-то иное. Но это иное все равно в какой-то степени латы и щиты. С бесчисленным количеством вариаций. В бронежилетах начинают вязнуть пули,

каска все лучше и лучше защищают головы, броня становится все легче, броня умнеет и через какое-то время уже может воевать чуть ли не сама...

...но все равно, тот, кто внутри брони, уязвим.

Всегда.

– Был бы это... ох... большой конфликт, раздолбали бы друг друга за день, – пожаловался Саиш, смахивая крышку капсулы на пол. Крышка тут же превратилась в лужу воды, и эта лужа в мгновение ока втянулась в пол. – А сейчас будет... ковыряние в дерьме... проходили уже...

– Видно? – не оборачиваясь, спросил Фэб.

– Видно, – отозвался Скрипач. – Охренеть.

– Ну охреневай, пока есть время. Саиш, щуп. Сейчас разберемся, как эта падла снимается.

Понять, что перед ними не груда искореженного не пойми чего, а нечто живое, можно сейчас было лишь глядя на визуал, который переливался всеми оттенками малинового.

– Время? – спросил Саиш.

– Две минуты максимум, – Фэб примерился, и принялся заводить в подходящее отверстие в броне тончайший биощуп. – Сейчас, сейчас... Ребята, вторую платформу сюда, ставьте в изголовье... никак не подлезу, черт... ну где ж ты начинаешься-то?!

Раздалось тихое шипение, и то, что казалось секундой раньше кусками искореженного металла, стало рассыпаться в прах. Визуал заполыхал малиновым еще сильнее.

– Видим, видим, защита встала, – бормотал Саиш. – И правильно, незачем бездарно ресурсы тратить. Кто ж тебя так закрыл, бедолага?

И Скрипач, и Ит до этого, конечно, видели существ, которых было принято называть Истинными Людьми, или, в просторечии, «рыбами». Но не в таком виде, конечно... Этот человек был крупным, очень крупным, ширококостным, светловолосым; на первый взгляд он мог бы показаться толстым, но уже через секунду становилось понятно – эти объемы обусловлены прежде всего строением тела.

Искалеченного, передавленного, обожженного тела...

– Механизм происходящего понимаем? – не оборачиваясь, спросил Саиш.

– Да, – ответил Ит.

– Рассказывай.

Ит принялся торопливо перечислять то, что успел заметить сам, и то, что считывалось с визуала, – в это время платформу с телом успели переместить во второй круг, в операционную.

– Угу, хорошо. Принято, – одобрил Саиш. – Стоять на второй линии, в красную зону не входить.

– Фэб, а почему такой запах? – спросил Скрипач.

– Потому что «рыбы» всегда так пахнут при ожогах, – объяснил Фэб. – Если раздражает, закрой себе нос чем-нибудь. Саиш, давай побыстрее, пожалуйста...

– Все нормально, – успокоил Скрипач. – Просто... непривычно немного.

– Да ладно, непривычно, – Саиш засмеялся. – Воняет гадостно, что говорить. Хотя если сравнивать с нэгаши... вот ящерики – это вообще адский тухляк! Фэб, зачем дубль круга?! Куда ему столько?

– Ему столько будет как раз, потому что корабль будет черт-те когда...

...Часом позже они обсуждали то, что делали, объясняя Иту и Скрипачу, что и чем обусловлено. Стабилизированного больного отправили в реанимационный блок, а сами приступили к «разбору полетов», благо разбирать было что.

– Похожую методику используют на Окисте, как вы знаете, но она именно что похожая, – говорил Фэб. Они снова стояли в шлюзе – на всякий случай. Неизвестно, придет ли «стрела» еще раз или нет, но если Илья отправил две бригады дежурить, значит, будем ждать. – Первое отличие – присутствие защиты. Она аналогична той, что используют агенты, и вы с ней неплохо

знакомы на практике. С одной стороны, это очень хорошая вещь, но с другой – при серьезных повреждениях это штука опасная, потому что на выработке всех ресурсов защиты ухудшение происходит не по нарастающей, а скачкообразно, практически мгновенно. Допустим, защита, как в этот раз, заблокировала рану большой площади – и при ее внезапном отключении потеря крови будет воспринята организмом хуже. Он был какое-то время обманут, да, он сохранял приемлемый, пусть и пониженный, объем крови. Защита выключается. Что происходит? Правильно. Мгновенный сбой всей работы организма. И компенсировать его нужно...

– Начиная с клеточного уровня, конечно, – кивнул Ит. – Вообще ты прав. Методика сейчас была совсем другая.

– Верно, – согласился Фэб. – Потому что методика Окиста направлена на самую травму, а та, по которой предстоит работать тут, – на компенсацию трудно преодолимых последствий этой травмы. Оперировать его все равно будем не мы; наша задача – отдать больного живым и максимально подготовленным к работе следующих врачей, к которым он попадет. По сути дела, мы не лечим. Мы подтаскиваем организм к состоянию адекватности восприятия происходящего с ним и до его естественных реакций. Самые крупные дыры мы, разумеется, латаем – как и в этот раз. Но все остальное предстоит делать уже не нам.

– Хорошо сказал, – кивнул Саиш. – Верно. Но ты забыл еще момент. Эта треклятая защита работает, по сути, на ресурсах самого тела. Она же жрет за милую душу все, до чего дотянется. Глюкозу, которую организм не переработал, не успел, аминокислоты, жиры... обезболивает она, опять же, тоже за счет ресурсов тела, меняя к чертям его химию. По мне, так эта дрянь не лечит, а калечит.

– Да... – протянул Ит. Поежился. – Что верно, то верно. Странное состояние какое-то тогда было. Словно под наркозом или под чем похуже. Ирреальность.

– Ты под защитой попадал во что-то, что ли? – удивился Саиш.

– Было дело. В меня... стреляли. И с защитой я проходил сутки, – Ит отвернулся. – Пока ходил, было еще ничего. А вот когда она отключилась...

– Он лег на пол и умер, – невозмутимо сообщил Фэб. – Тихо, главное, так. Блямс – и все. Хорошо, хоть не в поле дело было и специалисты грамотные нашлись.

– Ты долго будешь мне про это напоминать? – рассердился Ит. – Пятнадцать лет прошло! Или даже больше!..

– Я этого до смерти не забуду, – мрачно сообщил Фэб. – Вот теперь посмотри, посмотри сам, как это со стороны выглядит. Проникнись. Идиот...

– Да проникся я давно, отвяжись ты от меня, – Ит безнадежно покачал головой. – Сказал же – больше не повторится.

– Вообще, народ, скажу я вам – хреново, что тут «рыбы», – ни с того ни с сего сказал вдруг Саиш.

– Почему? – с интересом спросил Скрипач.

– Знаю я этот конгломерат, работал с ними, – Саиш поморщился. – Если появились эти, то, значит, нам потом обязательно прилетит довесочек. А довесочек, котятки, это та еще песня.

– Какой довесочек? – не понял Ит.

– Увидишь.

* * *

Лишь через месяц после начала работы они стали задумываться, кто на чьей стороне воюет. Месяц было не до того. Официальная и Свободные первый месяц устраивали в портале такое, что раздумывать было некогда – бери больше, кидай дальше. Рауф, люди, нэгаши, «рыбы», когни; самое разное вооружение, бесчисленные варианты защиты, бесчисленные варианты того, как эту защиту можно обойти; травмы – от размозженных голов до почти полно-

стью сгоревших тел; первые смерти – несколько раз «сфинксы» привозили в капсулах тлеющие ошметки, лишь потом разобрались, что пошло новое оружие, после которого человеку или нэгаши (а использовали эту дрянь «рыбы» против людей и нэгаши) можно только сделать жест «не больно» и подождать пару минут, потому что больше при всем желании ты не сумеешь сделать ничего – запущена термическая реакция, как, за счет чего – это большой вопрос, и неплохо было бы его решить...

Теория и практика.

Даже Кир, который, кажется, повидал в боевке почти все, и тот через неделю притих и начал задумываться. Эта задумчивость продолжалась дней десять, а потом, вечером, когда они вчетвером спешно ужинали, выдал то, что от него никак не ждали ни Ит, ни Скрипач.

А вот Фэб, как выяснилось, ждал.

– Обратная сторона войны. – Кир поставил коробку с рационом на коленку и потянулся за чашкой с лхусом. – Ни черта про нее никто не думает никогда. Герои, твою мать! Если хотя бы половина тех, кто добровольно лезет в это дерьмо, думали про это хоть немного... блин, этого бы всего не было.

– Чего не было? – удивился Ит.

– Войн. Дряни этой всей не было бы.

– Отучаемся говорить за всех разумных, – хмыкнул Фэб. – Ошибаешься. Были бы. Кирушка, допереть до того, до чего допер ты, способен один на десять тысяч. А то и на сто тысяч. Остальные, если ты не заметил, мыслят иначе и видят ситуацию с другой стороны.

– Точно-точно, – поддержал Фэба Скрипач. – Идешь ты, понимаешь, такой феерический и крутой, весь в броне, и мочишь врагов, которые пачками валятся к твоим ногам идохнут. Тут же. Там мочишь, сям мочишь. Адреналин в тебе кипит, гормон играет, бабы тоже валятся к ногам, понятно с какой целью, и получаешься вообще герой в квадрате, альфа-самец-главный-осеменитель и мета-брутал всего обозримого пространства.

– А еще каждый думает «со мной этого не случится», – добавил Ит. Скрипач согласно кивнул. – По молодости мы тоже этим грешили. И даже не по молодости. Даже по зрелости.

– Ага, – кивнул Скрипач. – Помнишь, когда нас сбили... даже когда самолет падал, я думал – нет, ну со мной этого точно не может произойти! А когда мы с ним в больнице очухались оба, то поняли – хрена там, еще как может.

– Точно. Но некоторых даже упавший самолет или оторванные ноги ничему не учат, – хмыкнул Ит. – Хотя... смотря за что воюешь.

– А это еще один аспект проблемы, – Фэб зевнул. – Но к нашей нынешней работе он отношения не имеет. Потому что они, как мне кажется, вообще не знают, за что воюют. Взять хотя бы сегодняшнего пол-нэгаши...

На этот случай ходил смотреть весь госпиталь.

Несколько часов назад «сфинксы» забросили очередную порцию раненых, среди которых был совсем молодой нэгаши, которому кто-то сжег начисто нижнюю половину тела. Каким-то чудом нэгаши сумел дожить до «вереска». Еще одним чудом было то, что Илья сумел стабилизировать то, что осталось. Мало того, через пару часов нэгаши непонятным образом очнулся и... начал требовать, чтобы ему немедленно поправили тело, потому что он не отработал контракт. Поскольку обезболили его по всем правилам, и гипнотически, и медикаментозно (на всякий случай), а система исправно поддерживала то, что осталось от тела, пол-нэгаши чувствовал себя вполне сносно, и врачи виделись ему сейчас врагами и заговорщиками, которые по какой-то неведомой причине решили устроить бедняге диверсию и насильно удерживают в госпитале, не давая заработать денег и положить побольше народу, ведь за каждого убитого шла отдельная доплата. Дело кончилось тем, что Илья на пару минут снял гипнотическое воздействие, и только после этого до нэгаши дошло, что случилось. Успокаивали его потом втроем

– Илья, Саиш и Фэб. Успокоив – выключили, потому что на лекции о трансплантации и биопротезах времени не было, с минуты на минуту ожидалась следующая партия раненых.

– И чем дело кончится? Да тем, что это будет полукиборг, до конца дней своих обремененный на всех нормальных и рвущийся на новые подвиги. Восстановить биологическое тело у него есть на что. Он протезируется, потом механизмируется, потом... – Фэб безнадежно махнул рукой. – Но кипеть адреналином он не перестанет, поверьте. Будет только злее. И безжалостнее.

– Фэб, а почему до сих пор нет механистов, как думаешь? – под механистами Кир имел в виду разумных, переделывавших и модернизирующих себе тела. – Их же до фига в Индиго, на высоких стадиях...

– Не будет, – уверенно сказал Фэб. – Не тот случай. В таких конфликтах чаще всего работает то, что стоит дешевле. Помнишь, Илья сказал «мясо»?

Ит кивнул.

– Так вот, мясо всегда дешевле механики, – Фэб с горечью вздохнул. – Механисты... обычно это довольно мирные цивилизации, которые мало вмешиваются в конфликты и в найм практически не попадают. Они слишком заинтересованы в себе, чтобы собой рисковать.

– Ты прав, – Ит кивнул. – Родить действительно почти всегда проще, чем сделать. Проще, дешевле... черт. Век живи, век учись, – он почесал переносицу. – Нет, в найм они тоже идут, но их услуги всегда стоят очень дорого. Эксклюзивная работа, так сказать. Несерийная.

– Верно, – согласился Фэб.

– Не могу понять, кто в данном случае в найме, а кто нет, – Кир хмыкнул. – Что-то тут все слишком запутано.

– Ты еще не понял? Не в найме – «рыбы», часть людей и часть рауф, – Фэб улыбнулся. – Все остальные – наймиты. Я догадался про это все в первые двое суток.

– Рауф воюют за Сонм? – несказанно удивился Кир.

– Рауф заинтересованы в Сонме, потому что миры Сонма к рауф чаще всего толерантны. С ними возможны контакты, взаимодействие, сотрудничество.

– Ах вот в чем дело... – протянул Ит. – Ну конечно! Официалка ведет найм по принципу расовой ненависти. Так?

– Отчасти. Пока что да, по всей видимости. Но я не думаю, что это продлится долго, – заметил Фэб. – Судя по всему, конфликт будет затяжной. А это значит, что появятся и другие рауф, и другие люди. Наймиты есть в любых расах.

– Добровольцы работают, понятное дело, от Свободных, – начал размышлять вслух Кир. Фэб покивал. – Значит, хотя бы до части «рыб» дошло, что существует реальная угроза Сонму. Угу... ага... ох, народ, а ведь прав тогда был Атон. Не будет нам спокойной жизни. Уже, видимо, никогда.

* * *

С персоналом госпиталя против ожиданий сошлись гораздо быстрее, чем думали вначале. Фэб ожидал трудностей, но трудностей не возникло, и вскоре приятельские отношения удалось наладить со всеми. Первыми с новичками навели мосты Олле и Зарзи, двое гермо, оказавшихся хирургами-реаниматологами высшей категории, – один из них был как раз тот самый рыжий гермо, которого Скрипач заметил в первый день, – причем Зарзи, второго гермо, в госпитале все именовали исключительно Заразой, никак иначе. Потом подтянулись люди. Манерный Виталий, большой ходок по женскому полу, оказался на поверку мужиком добрым, понятливым и незлобивым; Саиш, первый помощник и заместитель Ильи, несмотря на вечные подколки и любовь поругаться, тоже был человеком неплохим... В общем, ни шатко ни валко, но жизнь стала налаживаться.

Чуть позже, еще через месяц, Кира, Ита и Скрипача стали привлекать к делу – и тут выяснилось, что оба бывших агента с легкостью вскрывают практически любую броню, в каком бы плачевном состоянии она ни была, а это обстоятельство помогает экономить столь необходимые раненым драгоценные минуты. Кир оказался незаменимым при помощи в манипуляциях, требующих физической силы, – вот уже чего-чего, а силы ему действительно было не занимать. Его в результате поставили в бригаду к Олле, Зарзи и Виталию, и он отлично с ними сработался.

Параллельно, конечно, учились. И теории, и практике – благо что практики теперь было в избытке.

– Если так дальше пойдет, то через полгода будете работать вторую линию уже ассистентами, – констатировал Илья. – Дальше пока не пропущу, но это для ваших двенадцати с половиной лет уже немало. Через год сдадите минимум, и поставлю в реанимацию на отслеживание. Глядишь, и карьеры сделаете, – усмехнулся он. – Если, конечно, филонить не будете.

Филонить, разумеется, никто не собирался. Это Илье тоже понравилось, халявшиков он терпеть не мог (собственно, как выяснилось, из-за этого «Вереск» и был не укомплектован; до того как принять их четверых, Илья со скандалом вышвырнул четверых любителей ничего не делать), а к тем, кто честно трудился, он относился хорошо, с пониманием.

Ну и присматривался, конечно.

Видимо, с заделом на будущее.

...Как-то раз произошел такой случай. День был «пустой», в портале после десяти дней боев работали чистильщики, и врачам оказалась предоставлена сказочная возможность: ничего не делать больше двух суток. Первые сутки все, разумеется, дружно отсыпались, а на вторые Ит, проснувшийся по привычке рано, решил, что не худо бы поразмяться. Он осторожно, чтобы не разбудить спящих, выбрался из комнаты, прошел по коридору к внешнему шлюзу, открыл – тогда тоже была осень, но еще ранняя, еще теплая и золотая, – поднялся по стене на плоскую крышу «Вереска», выбрал местечко поудобнее и стал делать свой комплекс упражнений – тело стокеровало по движению, и хотелось ему сейчас хорошенько поработать, чтобы потом ощутить ту усталость, которую все они считали для себя правильной. Разминка занимала сорок минут, в ней были классические упражнения – переброска точек концентрации, например, которая позволяет агенту делать силовые приемы и при этом не наращивает ненужную мышечную массу, и то, что к классике уже не относилось, – элементы их с рыжим индивидуальной программы, та же «тень», чередование ускоренного режима с маскировкой. Сейчас, конечно, «тень» Ит делал чисто номинально: обозначил себе с десяток «слепых» точек и проходил их, чередуя режимы. Не худо было бы, конечно, отработать еще что-нибудь, например, прогнать малый «оружейный» комплекс, но без имитаторов это было делом бесполезным, поэтому Ит решил пока что ограничиться общей программой.

Через полчаса (Ит тогда как раз начал работать «тень») на крышу поднялся Илья. Ит удивился – до этого он Илью на крыше не встречал ни разу. По крайней мере, во внерабочее время. Нет, Илья на крыше бывал – чаще всего тогда, когда раненых переводили на подошедший корабль. Но чтобы вот так... странно.

– А, вот ты где, – констатировал врач. Ит остановился, но Илья махнул рукой. – Занимайся, занимайся. Долго тебе еще?

– Минут двадцать, – честно предупредил Ит. – Простите, но прерываться нежелательно.

– Я подожду, – кивнул Илья. – Хоть воздухом подышу. Красота какая, ты только погляди. Природа...

Он отошел к краю крыши, сел, со вкусом зевнул, потянулся. На Ита он больше не смотрел, и тот мысленно сказал ему за это «спасибо» – врач сейчас проявил редкую тактичность; наблюдать за чьей-то тренировкой у них считалось моветоном, тем более что программы были индивидуальные, и прежняя практика подобных наблюдений вообще не позволяла.

Доработав «тень», Ит перешел к заключительному комплексу, и комплекс сократил настолько, насколько получилось – ему было любопытно, что потребовалось от него главному врачу.

– Простите, что задержал, – он подошел к Илье.

– Нормально, – Илья повернулся к нему. – Молодец, что тренируешься. Всегда так?

– Когда есть возможность, – Ит присел рядом. – Правда, красиво. Летом было не так.

Озеро сейчас лежало перед ними в обрамлении осеннего леса и выглядело, как огромное зеркало; неподвижная гладкая вода, спокойные и безмолвные в безветрии деревья. Утреннее небо сейчас было прозрачным, чистым и неимоверно высоким.

– Люблю Сонм, – Илья слабо усмехнулся. – Такая, знаешь, большая-пребольшая родина. Которая везде.

– Ну, не совсем везде, – осторожно заметил Ит. – Но... да. В каком-то смысле, действительно.

– Да везде, не сомневайся, – Илья кивнул. – Ит, скажи, как вам – у нас?

– В смысле? – не понял Ит.

– Я имею в виду работу, конечно, – Илья посерьезнел. – Что скажешь?

– Нормально, – пожал плечами Ит. – Хорошая работа. Интересно.

– Нагрузка?

– Тоже нормально, – Ит пожал плечами. – Было бы ненормально, мы бы тут на крыше не бегали.

– Ну, это да, – согласился Илья. – А в общем и целом как?

Ит немного растерялся. Что от него хочет услышать Илья? Зачем сейчас эти вопросы, к чему они?

– В общем и целом... – он задумался. – Очень многое неясно.

– Например? – живо спросил Илья.

– Ну, хотя бы почему госпиталь называется «Вереск», – решил несколько снизить градус возникшего было напряжения Ит. – И почему второй госпиталь называется «Сфинкс».

– Потому что мы так назвали. Ты просто не в курсе... Когда мобильный госпиталь где-то базируется, ему, кроме номера в реестре, присваивается еще и местное название. По чему-нибудь, что в местности есть. Обычай такой, ну и приметы есть соответствующие, опять же. «Сфинксы» ребята серьезные, много их, ну и вот... съездил кто-то в город, увидел сфинксов на набережной, почитал местные источники и проникся. Дурак он, конечно, был, этот кто-то, – под «кем-то» Илья, разумеется, имел в виду главного врача «Сфинксов», – потому что твари эти, сфинксы, родом не из местной истории вовсе... но не суть. А мы... когда прилетели смотреть локацию, прогулялся я по берегу и увидел травку эту, с сиреневыми цветочками. Маленькая травка, незаметная, а симпатичная. Понравилась. Чем, думаю, не название? Мы ж тоже маленькие, незаметненькие, – он засмеялся. – Вот тебе и «Вереск».

– Ясно, – Ит улыбнулся.

– Ты не ответил, – Илья разом утратил веселость. – А мне ответ от тебя нужен, понимаешь? Как тебе – вот тут?

Ит решил, что, пожалуй, стоит сказать – он уже понял, куда клонит Илья и о чем на самом деле спрашивает.

– Мне тут действительно нормально, но есть кое-что, что меня тревожит. Это не сейчас началось, раньше, – он вздохнул. – Мне кажется, что все мы... ну, не все, мы трое, Кир, рыжий и я... теряем жалость. Мы не сочувствуем. Раньше, когда мы начинали учебу, я ощущал... ну, практически всех. Не было этого... ммм... механического отношения к тому, что происходит. Вот у Фэба этого нет. И у Саиша нет. А у нас... по-моему, стало появляться. Мне это не нравится, но я не знаю, что с этим делать. Мне почему-то не жалко их! Я вижу проблемы, но я не ощущаю ничего... а ведь должен ощущать, наверное.

– Молодец, – кивнул Илья. – Вот это уже по делу. Да, должен. Со следующей декады пойдете в реанимацию, так уж и быть. Хорошо, что ты нашел решимость сказать об этом. Многие молчат.

– Да при чем тут... я же чувствую, что это неправильно. Мы с Фэбом говорили про это, где-то с год назад, и он тогда же сказал, чтобы мы переводились, но перевестись мы не успели, потому что с рабочими местами тут не очень, – признался Ит. – Когда началась эта заваруха, мы ждали...

– Давно вы на этой планете живете? – поинтересовался Илья.

– Да уже лет десять.

– Фэб сказал, что у вас тут еще и жена?

– Ну да. Мы летом выходной вчетвером брали, она приезжала в город...

– Скучаете?

– Илья, как ты сам думаешь? Конечно, скучаем. По-моему, любой на нашем месте скучал бы.

– Ну, Виталька, предположим, не скучает, – засмеялся Илья. – Он, наоборот, сильно рад, что свильнул от своей половины хотя бы на время. С расписанием семейной жизни уже разобрались?

– Нет, – признался Ит. – Как-то не до того.

– Плохо. Надо, чтобы было до того.

– Опять... Илья, прости, я скажу все-таки. Мы работали в официалке. Очень долго. Так вот, там нас вынуждали проходить гормональные тесты. Раз в полгода. И это вот влезание ногами в личную жизнь... оно нас бесит до сих пор. И сильно. Мы как-нибудь сами разберемся, хорошо?

– Подожди, не кипятись, – попросил Илья. – Давай объясню. Если ты думаешь, что я только к рауф с этими вопросами лезу, то сильно ошибаешься. Я отвечаю за весь персонал. И мне нужно, чтобы весь персонал работал хорошо и слаженно. Поэтому слежу я, уж прости, за всеми – это моя обязанность. Виталий с недотрахом – пардон, конечно – это бешеная зверюга, и вот мне на хрен не нужно, чтобы он себя вел, как бешеная зверюга, орал на всех и трепал нервы окружающим. Ну и рауф тоже. Олле с Заразой – рассадник черной меланхолии, этакая вселенская скорбь, поэтому я раз в месяц отпускаю их по очереди на сутки к мужу, на базовый корабль, у них там муж работает, в госпитале. К жене они летают реже, но тоже приходится отпуск давать. И даю. Со всеми прочими – ровно то же самое. Продолжить, или ты уже все сам понял?

– Понял, – угрюмо кивнул Ит.

– Так что давайте, налаживайте личную жизнь. К жене тоже отпускать буду, но... боюсь, что с нагрузкой сейчас будут трудности, поэтому нечасто. С этим ясно, в общем. Теперь следующее. Вы верующие?

Ит с удивлением посмотрел на Илью.

– Ну... да, – осторожно ответил он. – Верующие – все. Религиозный только Фэб, правда, а я от религий в принципе отошел. Хотя раньше... тоже было.

– По данным, полученным от Официальной, у тебя есть сан. Ит, я спрашиваю не просто так. И тебе прибавка, и мне минус лишняя головная боль. Прежнего священника я выпер. Похабной он был личностью, слишком много думал про себя. Если у тебя есть подтвержденный сан, то я хочу предложить тебе дополнительную работу. И небольшую прибавку, разумеется. Ну?

– Сан у меня действительно есть, – Ит пожал плечами. – Но я совсем не уверен, что это кому-то нужно. Тем более что это может подойти далеко не всем...

– А, фигня, – отмахнулся Илья. – Бог-то все равно один, а когда к нему слишком близко подбираешься, то не думаешь, подходит тебе чего-то или не подходит. В общем, так. По мере

надобности будешь еще и этим заниматься... ну, ты понял. Жалко, что у Фэба сана нет. Он бы лучше тебя справился.

– Вот мне тоже кажется, что лучше, – кивнул Ит. – Говорил я ему про это. Тоже уже давно. Но он считает, что он недостоин.

– Так рассуждать, так вообще никто не достоин, – махнул рукой Илья. – Ладно. Пойду я, что ли. С тобой поболтал, теперь Заразу найти надо. Есть у меня к Заразе кое-какие вопросы.

– А с ним что не так? – с интересом спросил Ит.

– А то, что не хрен со «сфинксами» лаяться, когда тебя об этом не просили. Они нас и так не сильно жалуют. Но Заразе же больше всех надо – когда что-то не по нему, эта нежная ромашка открывает хавальник и выдает такое, что у здоровых мужиков уши вянут. Ты же слышал, он матом не ругается, он матом разговаривает! Так он неделю назад, когда на сбор выходили, успел обложить парочку «сфинксов» так, что на нас подали жалобу. Вот такое с ним «не так». Олле ничего, он тихий. А этот... Ладно, Ит. Пошел я. Счастливо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.